

A person wearing denim shorts is sitting on a light blue bicycle. The image is a close-up, focusing on the person's legs and the bicycle's seat and frame. The background is a blurred outdoor setting.

КАТРИН
КОРР

ОТОРВА

18+

Катрин Корр

Оторва

«Автор»

2022

Корр К.

Оторва / К. Корр — «Автор», 2022

Двенадцать лет назад случилась страшная трагедия, о которой многие хотели бы забыть навсегда. Но, когда внезапно возвращается главная виновница скандальной истории, всеобщее спокойствие начинает трещать по швам. Когда Оливию Линдберг отшивает деревенский парень, единственное, что ей не терпится сделать, так это немедленно поставить негодяя на место. Но месть выходит из-под контроля, и в одну ночь уважаемая семья Оливии лишается привычной для себя жизни.

© Корр К., 2022

© Автор, 2022

Содержание

1	5
2	10
3	19
4	22
5	27
6	33
7	37
8	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Катрин Корр

Оторва

1

Родители Оливии Линдберг были очень богаты. Так считали все жители развивающейся крымской деревеньки Луна, прославившейся винодельческим хозяйством и консервным заводом. Марк Линдберг, приехавший в эти края ещё ребенком, ощутил огромную привязанность к нетронутой и дикой природе Крыма. После удачной во всех смыслах женитьбе на дочери губернатора, он приобрел небольшой и разваливающийся домишко на непомерно огромном куске плодородной земли. Меньше, чем через год на его месте возвышался двухэтажный дом в средиземноморском стиле с белыми колоннами у входа, решетчатыми и каменными вставками, по которым плелись розы, а многочисленные арки неумолимо вынуждали вспоминать о знаменитом сериале «Санта-Барбара». Всякий, кто проезжал мимо роскошных владений Линдбергов, так или иначе, представлял, какие же в их семье творились страсти. Ведь они уж точно имели место быть! С такой-то неадекватной дочуркой, которой мало того, что дали странное и *чужое* имя, так ещё и дарили то, чего эта грубиянка явно не заслуживала.

Жители «Луны» вздыхали с облегчением, когда Оливия Линдберг покидала эти чудесные края на долгие месяцы дождливой осени, бесснежной, но холодной зимы и расцветающей теплой весны. Она училась в престижном лицее Москвы и, поговаривали, что высшее образование уедет получать в Европу.

«Туда ей и дорога! Пусть других с ума сводит!» – сетовали местные жители, пострадавшие от её глупых выходок сполна.

В начале каждого лета матери предупреждали своих сыновей держаться от этой девчонки подальше, ибо понимали, что с каждым приездом Оливия Линдберг становилась всё краше, а её несносный характер всё ужаснее. Как и у Агаты Линдберг, у нее были густые каштановые волосы с отблеском желтого золота и большие зеленые глаза, в которых точно когда-то утонул драгоценный изумруд. Солнце любило её светлую кожу и будто с особой осторожностью ласкало своими горячими лучами, добавляя легкий бронзовый блеск. Она не внушала доверия родителям тех девочек, которые с ней дружили. Точнее говоря, те заглядывали ей в рот, подражали и мечтали о такой жизни, как у нее.

Однако же, какой бы несносной не была эта столичная и избалованная девчонка, никто не смел сделать ей замечание или вовсе обратиться к её родителям. Благодаря Марку Линдбергу деревня Луна превратилась в туристический центр для истинных ценителей вина. Он обеспечил работой многие семьи, способствовал внешнему преобразению деревни, став серым кардиналом сельсовета. Каждый в деревне знал, кто принимает важные решения по благоустройству и развитию, и кому нужно сказать «спасибо» за спокойную и беззаботную жизнь, поднимающуюся на новый более достойный уровень.

Правда, находились и те, кто считал улыбку Линдберга фальшивой, а его самого и всю его семью – рвотой отравившейся дворяниги. И их можно было понять. Когда-то на пороге их дома появился неизвестный, но с виду очень преуспевающий и деловой мужчина, который предложил заманчивые деньги за земли, где теперь с успехом процветал его бизнес. Он получал миллионы, а они – лишь мелкие крошки.

Оливия Линдберг поправила солнцезащитные очки и развязала верхнюю часть купальника, чтобы на шее не оставались белые полосы. Ей было скучно. Впрочем, здесь так было всегда. Другое дело жизнь в городе, полная развлечений, танцев и привлекательных парней на дорогих автомобилях. Увидев на балконе отца, выхаживающего туда-сюда с телефонной труб-

кой у уха, она издала усталый вздох. Он всё ещё не уехал в столицу, хотя полчаса назад обнял её на прощание, пообещав вернуться через пару дней.

– Солнце сегодня сильное! – рискнул сказать ей чистильщик бассейна. Им был какой-то худощавый паренек лет двенадцати с дурацким совочком в руках и железным ведром. Огромные серые штаны достались ему от старшего брата или отца, которым явно не помешало бы сбросить лишние килограммы, а на голове была выцветшая бледно-зеленая панамка с коричневым пятном.

Оливия с отвращением оглядела его поверх солнцезащитных очков и надула огромный пузырь из розовой жевательной резинки.

– Будь осторожнее! – улыбнулся парнишка, почесав нос с забавной детской неряшливостью. – Можно получить ожог.

– Я интересовалась твоим мнением, клоп? – усмехнулась Оливия. Мальчишка выдавил смущенную улыбку, продолжая бессмысленно возюкать совком в бассейне. – Выполняй свою работу молча, ясно тебе?

– Оливия, я поехал! – махнул с балкона Марк Линдберг. – Теперь точно! Не скучай!

– Ой, ну, что ты, папочка! – натянула улыбку его восемнадцатилетняя дочь. Махнув ему на прощание, Оливия закатила глаза и набрала Алису, чей отец занимал должность председателя совета. – Ну, всё, – выдохнула с блаженной улыбкой Оливия, – папа уехал. Можем замутивать вечеринку.

– Я никак не могу определиться с выбором наряда! Белый сарафан или черная майка с джинсовыми шортами?

– Пригласи на вечеринку только самых адекватных, – напомнила ей Оливия, посчитав тему с нарядами слишком скучной. – Мне здесь всякое хулиганье не нужно!

– Конечно! – спохватилась Алиса. – Насчет этого не беспокойся.

– А что по парням? Есть здесь кто-нибудь симпатичный?

– Ну, – хмыкнула Алиса, – таких сейчас немало. Помнишь Ваню Сутулого?

– Кошмарная фамилия.

– Да, но он очень даже...

– Он мне уже не нравится! Впредь не называй их фамилии!

– Не переживай насчет этого, Оливия. К тебе приедут адекватные, симпатичные и интересные парни.

– Насчет последнего я сомневаюсь, – усмехнулась она. – Где здесь взять официантов?

– ...Ну, у нас такого нет. Но можно заплатить двум-трем ребятам по паре сотен и они будут бегать перед тобой послушными собачонками.

Оливия снова взглянула на парнишку поверх своих очков. Глупенький, наивный, скромный. Он явно нуждался в деньгах. С такими-то кошмарными штанами!

– Эй, парень? – обратилась она к нему. – Подзаработать хочешь?

Мальчишка, будто не веря своим ушам, часто заморгал и от удивления приоткрыл рот.

– ...Наверное.

– Разносить напитки умеешь?

Бедняга так разнервничался, что едва не угодил в бассейн, засмотревшись на стройную хозяйскую дочь.

– С кем это ты говоришь? – спросила Алиса в трубку.

– Чистильщик бассейна, – лениво ответила Оливия и снова надула пузырь. Когда тот лопнул, в жарком воздухе будто застыл запах искусственных ягод. – Да уж, с приветом пацан. Таращится на меня и краснеет.

– Это Макар! – сообщила Алиса. – Он безобидный и добрый мальчишка.

– Тебе нужны деньги, клоп? – громче спросила его Оливия. – Или так и будешь глазеть на меня?

– Я могу подровнять зеленые кусты, – кивнул он, опустив совок и ведро на каменистую дорожку. – Могу помыть машину.

– На кой черт мне сдались твои кусты? Мне нужно, чтобы ты приносил и уносил напитки! – фыркнула Оливия. – Работа не сложная.

– Приносить и уносить их для...тебя?

– Для меня и моих гостей! – Оливия громко вздохнула и обратилась к подруге. – Дети какие-то странные пошли! Я ему заработать предлагаю, а он заикается и ничего внятно ответить не может. Не хочешь денег, – бросила она ему, – твое дело! Ходи в этих кошмарных лохмотьях до пенсии и питайся хлебом с водой! Алиса, будь добра, найди нам кого-нибудь? У меня не получается общаться с прислугой! – хохотнула Оливия, поудобнее расположившись на шезлонге. Шутка показалась ей забавной. – Вечеринка начнется в восемь вечера. Но ты приезжай пораньше.

– Хорошо. Не беспокойся ни о чем! С тебя только место и выпивка.

– «Только»! – закатила глаза Оливия. – А с тебя адекватные и веселые гости!

Подруги попрощались. Издав очередной протяжный вздох, Оливия повернула голову на бок.

Предвкушение веселой ночи приятно щекотало нервишки. Вдруг среди гостей найдется тот, с кем она проведет оставшуюся часть лета? Нечестно, что поступление в высшее учебное заведение отнимало столько чудесных летних дней, которые могли быть потрачены на встречи с подругами, танцы и дела сердечные. От местных парней Оливия мало чего ожидала. В конце концов, они были деревенскими простаками, до которых слишком медленно доходил прогресс человечества. Инфантилизм Оливии Линдберг читался в каждом её движении. Высокомерный взгляд в обрамлении злого веселья она унаследовала от матери. Причем обе с успехом пользовались им, когда рядом не было главы семейства. Возможно, что деятельный Марк Линдберг понятия не имел, какими порой стервами бывали его любимые женщины.

Оливия уже забыла о присутствии мальчишки, которому её отец платил скромное жалование за чистку бассейна от веток и листьев. Для полномасштабной уборки Марк Линдберг нанимал специализированную компанию. Только она провалилась в приятную сладость фантазий о своем безоблачном будущем, как зазвонил чей-то телефон. Звук был слишком громким и показался Оливии дурацким. Такие же только на дешевых кнопочных телефонах бывают!

– Да, Макс? – ответил на звонок мальчишка. Он опустил голову и его лицо пряталось за помятыми полями панамы. – Да, я почти закончил. Правда? Нет, ты не шутишь? Серьезно?! – обрадовался он. – Это же круто! Тогда я сейчас же побегу домой! Хорошо, я понял! Тогда жду тебя на улице!

Оливия поднялась на локтях, почему-то заинтересовавшись внезапной радостью малолетки. Она сняла очки, заметив в его руке тот самый кнопочный телефон, и бросила короткий смешок в сторону.

– Эй, малявка? Что тебя так обрадовало?

Мальчишка поднял совок и ведро, явно намереваясь уйти.

– Мой старший брат приехал! Сейчас он заберет меня, а потом мы поедем в «Карамель»! Он всегда так делает! – продолжал улыбаться мальчишка. – Заказываем молочные коктейли, пиццу и вот такие пирожные... – Мальчишка замолк, поздно сообразив, что Оливия Линдберг находила его ответ до крайности смешным. – Что ж, я уже всё сделал. Твой отец попросил меня заглянуть через пару дней. Приду во вторник.

– Так и что? Не хочешь подзаработать? У тебя ужасный телефон, а твоя одежда оставляет желать лучшего. – Оливия считала, что поступает благородно. И хотя ей приходилось буквально упрашивать малолетку превратиться на несколько часов в официанта, она была уверена, что демонстрировала щедрость своей души, напоминая смущенному мальчишке о его

старом телефоне и смешной одежде. – Приходи в семь, если хочешь помочь своей бедной семье. Заплачу тебе тысяч пять.

– Пять? – ошарашено посмотрел он на нее.

– А что ты думал? Если ты будешь вовремя подносить коктейли мне и моим друзьям, сам останешься только в плюсе. Пять тысяч на дороге не валяются. Если приведешь ещё пару человек, им по тысяче, а тебе две сверху.

– Семь? – ахнул мальчишка. – Но я не могу. Макс приехал. Я так скучал по нему...

Оливия фыркнула и снова опустилась на шезлонг. Этот разговор ей наскучил. Проявление щедрости слишком утомляло.

– Твое дело! А теперь всё, уходи и не мешай мне отдыхать!

Она не видела, как мальчишка, остановив на ней нерешительный и слишком продолжительный взгляд, вскоре задумчиво побрел в сторону отдельно стоящего домика, в котором были сложены различные инструменты, газонокосилки и оставшиеся от давней стройки материалы.

Ей нравилось оставаться одной. Аглая Линдберг редко бывала дома. С самого рождения Оливии она только и делала, что летала по всему земному шару в скрытой надежде убежать подальше от докучающих обязанностей новоиспеченной матери. Подгузники, смеси, бутылочки и постоянный недосып – привилегия глупых женщин, положивших конец своему личному счастью во благо другой маленькой и совершенно неосознанной жизни. Если существовали люди, которые могли взять все эти обязанности на себя, так почему бы не воспользоваться их услугами? Нянечки, воспитатели, учителя – они сами выбирали для себя профессию. Хотели нянчиться и учить чужих детей – скатертью дорога.

Оливия услышала громкое рычание двигателя и снова поднялась на локтях. По дороге мчался мотоцикл, а потом остановился где-то совсем близко, продолжая неприятно дребезжать. Мысли об разъехавшихся кто-куда родителях испарились, как дым. Она завязала лямки купальника и поднялась на ноги. Набросив на себя льняной песочного оттенка халатик с огромными рукавами, Оливия двинулась в сторону центральных ворот.

Она чувствовала себя хозяйкой. Деловой, занятой и единственной в этом доме. Оливия шла с такой грациозной усталостью, будто целый месяц занималась лишь тем, что подсчитывала свои миллионы и решала, в каких благотворительных кампаниях ей стоит принять участие. Иногда этим занималась её мать, и Оливия знала, насколько утомительной бывала эта «работенка».

– Макс! Макс! – раздался детский голос за деревянным с каменными вставками забором. – Я так рад! Так рад!

– Запрыгивай, жук! Только шлем надень!

– Ты приехал раньше, чем обещал! Я сейчас умру от счастья! Ты видел маму?

– Конечно видел. Она от радости чуть потолок головой не пробила.

– Вот бы я хотел увидеть её лицо! Макс, я так рад!

– Я тоже, жук. А теперь поехали скорее отсюда. Не хочу, чтобы снова началась аллергия. Мальчишка весело засмеялся.

Оливия заправила за ухо шелковистую прядь волос и подошла к самому забору, чтобы подглядеть за двумя громкоголосыми простаками. Прислонившись лбом к нагревшемуся на солнце камню, Оливия сощурилась, тайком наблюдая за мальчишкой, что чистил бассейн и высоким парнем в черной кепке. Он подождал, когда паренек заберется на мотоцикл, а потом, ловко перебросив ногу, сел за руль.

Почему она никогда его здесь не видела? Уж кто-кто, а Оливия бы точно его запомнила! Когда его руки крепко сжали металлические ручки руля, крепкие мышцы плеч моментально заиграли. В профиль этот парень был тот ещё красавчик. Острый и упрямый нос, волевой подбородок, мягкие губы... Жаль только, что насладиться его привлекательностью Оливии мало удалось.

Вернувшись к бассейну, она схватила сотовый и снова набрала Алису.

– Если ты звонишь узнать, нашла ли я «обслуживающий персонал» на сегодня, то можешь не беспокоиться! Дело в шляпе.

– Я хочу, чтобы сегодня на вечеринку приехал брат этого чудака, который чистит наш бассейн!

– Кто? – не поняла поначалу Алиса. – А-а! Брат Макара! А Макс что, приехал?

Оливия закатила глаза.

– Он будет сегодня у меня?

– ...Ну, я сделаю всё, что в моих силах, – замялась подруга.

– Что это значит? – хмыкнула Оливия. – Вечеринка не где-то, а у меня дома! Сюда каждый хочет попасть.

– Да, но только не... В общем, я постараюсь сделать всё, чтобы Макс заглянул к тебе.

– Есть какая-то проблема? – с деланной улыбкой спросила Оливия, которой совершенно не понравился этот неуверенный и смазанный тон Алисы.

– Видишь ли, – будто бы оправдываясь начала подруга, – Макс здесь уже несколько лет не живет. Он учится. А когда приезжает, то всё свое время посвящает младшему брату и маме.

– Сколько ему?

– Двадцать три.

– И что? – засмеялась Оливия. – Он без мамочки и нескольких часов не может прожить? –

Внезапно её посетила одна очень привлекательная мыслишка. Оливия тихонько усмехнулась, не обращая внимания на нечленораздельный лепет подруги, и с показным дружелюбием спросила: – А не хочешь встретиться сейчас в кафе? Мне вдруг молочного коктейля захотелось.

– С радостью! Заодно и посоветуешь наряд на вечер. Увидимся там или ты заедешь за мной на своей новой машине? Когда твой папа приехал на ней, мы все тут чуть шеи не свернули! Она такая крутая!

Оливия издала терпеливый вздох. Порой от чрезмерной простоты людей хотелось застрелиться.

– Не думаю, что у меня получится. Давай лучше сразу встретимся в «Карамельке» или как там называется это кафе!

– Как скажешь! Тогда до встречи!

Оливия закончила разговор и всё с той же грациозной усталостью двинулась в сторону дома. Она никогда не сомневалась в себе и искренне верила в собственную уникальность и особую значимость в этом мире. И потому не было ничего необычного в том, что она желала получать и довольствоваться только самым лучшим. Одного взгляда на этого красавчика было достаточно, чтобы понять, он лучший деревенский парень из всех здесь имеющихся. И Оливия жаждала познакомиться с ним поближе.

2

Когда Макс Ветер зашел в кафе «Карамель», хозяйка заведения полная и загорелая Сима встретила его с распростертыми объятиями. Когда-то здесь был ничем не примечательный сельский бар, куда каждый вечер сходились местные пьяницы и молодежь. После смерти отца Симе Доброй достался кусок земли, который много лет арендовал местный фермер. Продав его, она обзавелась тремя обветшалыми комнатками, пропитанными запахом алкоголя и сигарет, и превратила их в светлые и просторные залы, куда приходили отдохнуть местные жители и туристы. Мало кто тогда верил в задумку сорокалетней женщины. Некоторые даже считали, что у нее поехала крыша после развода.

В «Карамели» продавалось лучшее в мире мороженное, молочные коктейли, пироги из ягод, круассаны, булочки и всё собственного производства. Знающие приезжали сюда не столько ради экскурсий по винодельческому хозяйству Линдбергов, сколько за вкуснейшей выпечкой Симы.

– Каков красавец! – воскликнула она, крепко обнимая Макса. – Возмужал-то как! Невесту нашел?

– А ты всё о своем! – засмеялся он, испытывая неподдельную радость от встречи с давним другом. – Отлично выглядишь, Сим.

– Ой, да брось! – отмахнулась она, приглашая его присесть за барную стойку. Макар взобрался на высокий стул и поздоровался с Симой пятерней. – Много ли мальцу для счастья надо? Только бы старший брат был рядом!

Сама Сима заняла свое привычное место за стойкой, чтобы видеть всех гостей заведения и вовремя добавлять выпечку на чистейшие витрины. Но пока это подождет.

– Заказывай! – сказал Макс младшему брату. – Всё, что хочешь.

– Да я же лопну! Нет, не лопну! Ого! Это новое меню? – схватил Макар табличку на деревянной подставке. – Пирог с персиком и сливками? – мальчишка облизался. – Сегодня мне будет плохо.

– Ты что, не заходишь сюда после школы? – потрепал его по голове Макс. – Как будто не меня здесь полтора года не было, а тебя!

Сима с улыбкой оглядела двух братьев и почувствовала добрую тоску по временам, когда она сама была ребенком. У нее не было ни сестер, ни братьев, которых она бы ждала с той же надеждой, как Макар, но она точно помнила эти искрящиеся чувства, когда отец возвращался из города после недельной работы и привозил для нее коробки с печеньем, наряды и игрушки.

– Сколько раз я ему говорила, чтобы заходил сюда до уроков? – с деланным недовольством взглянула она на Макара. – Оставляла здесь и булочки и пирог, а он хоть бы раз появился!

– Я сюда прихожу только с Максимом.

– Я бы на твоём месте отсюда не вылезал, – облизался Макс, разглядывая светящиеся экраны на стенах. Красочное меню обольщало не на шутку. – Отличная идея. Такое и в городе не везде встретишь.

– Да уж, – оглянулась Сима. – Они обошлись мне в кругленькую сумму. Но оно того стоило. – Снова глянув на Макара, она затейливо подмигнула ему и предложила: – Не хочешь посмотреть, как наши кондитеры собирают огромный торт в виде машины, пока для тебя будет готовиться молочный коктейль? А потом можешь зайти сюда и выбрать сам, что пожелаешь!

– Ого! – обрадовался мальчишка и посмотрел на брата. – Обещай, что не уедешь, когда я уйду?

Макс засмеялся, хотя ничего веселого в словах двенадцатилетнего мальчишки не было. Он с улыбкой кивнул и смотрел ему вслед, пока тот не скрылся за белой маятниковой дверью.

– Он что, правда не приходил сюда целый год? – Сима продолжительно и тихонько вздохнула, опустив руки на гладкую поверхность столешницы. – С ума сойти.

– Оля частенько заглядывает. Собираю ей коробку со всякими вкусностями, она приносит её домой, а Макар, говорит, только отщипывает маленькие кусочки, потому что тебя рядом нет. – Сима снова вздохнула, а потом распорядилась приготовить два больших стакана с молочным коктейлем. – Надолго ты к нам?

– На две недели, – ответил Макс, уже испытывая боль расставания с семьей. – Подвернулась возможность поработать у одного очень серьезного и делового человека. Он вел у нас трехнедельные лекции и, наверное, мои взгляды на видение его бизнеса стали ему слишком любопытны.

– Как и весь ты, – не без гордости улыбнулась Сима.

– Мне есть, чему у него поучиться. Работаю неофициально, без выходных, получаю хорошую зарплату, поэтому в качестве бонуса мне позволили отдохнуть эти две недели. Ещё год в университете и я стану дипломированным специалистом.

– Вне всяких сомнений!

Макс засмеялся и опустил взгляд на свои руки. Он с самого детства знал, чем будет заниматься, когда вырастет. И даже, невзирая на сложившиеся обстоятельства, которые изрядно подпортили планы, он точно знал, что добьется своего. Ради мамы и младшего брата, которых безмерно любил.

– А ты тут уже торты печешь! – перевел он тему.

– Стараюсь идти в ногу со временем. У нас тут один приезжий большую гостиницу строит. Планы у него наполеоновские, – закатила глаза Сима. – В общем, сюда приезжает много людей и каждую неделю кому-то нужен торт. И не просто торт в пластмассовой коробочке, а целое произведение искусства. Короче говоря, пришлось выкручиваться. А ещё я планирую открыть второй зал.

– Ого.

– Ага, – с улыбкой кивнула Сима. – Модный и уютный бар, где можно будет хорошо поесть и отдохнуть за барной стойкой после тяжелого трудового дня.

– Горжусь тобой, Сим, – искренне сказал Макс. – Уверен, у тебя всё получится.

– Как и у тебя, милый мой. Получишь диплом, обростешь связями и вернешься сюда. Откроешь что-то уникальное и чертовски востребованное. Будешь грести лопатой миллионы и забегать ко мне на тарелку домашнего борща.

Макс огляделся. Гостей сладкого кафе значительно прибавилось.

– Маму видел?

– Да, – постарался он улыбнуться. – Обрадовалась.

– Ещё бы! Тебя здесь не было больше года.

– Я нашел одну клинику, – сообщил Макс, поблагодарив кивком тетю Раю за приготовленные коктейли. – Точнее её мне посоветовал мой работодатель. Там как раз занимаются лечением психических расстройств у детей и подростков. Я ездил туда. Как на курорте, ей-богу, – нервно усмехнулся Макс. – Макара записали на сентябрь. Я приеду за ним и буду рядом, сколько потребуется.

– Если ты говоришь мне об этом, значит Оля ещё не в курсе.

– Я прилетел всего пару часов назад.

– Ты хочешь, чтобы я с ней поговорила, – констатировала Сима.

– Я хочу, чтобы ты меня поддержала. Ты ведь знаешь, как мама реагирует на эту тему. А Макару уже двенадцать. Сейчас он не посещает твое кафе, а что будет потом на очереди?

– Вполне возможно, что так он проявляет тоску по тебе, – осторожно сказала Сима. – Нет ничего плохого в том, что приходит сюда и пить молочные коктейли он хочет только с тобой. Тебе просто нужно почаще сюда приезжать.

Как будто он не понимал этого. Как будто не знал, что младший брат каждый божий день нуждался в его присутствии, внимании и заботе. Но что поделать, если ради благополучия своих родных нужно чем-то жертвовать? Уверенность в себе и своих возможностях никогда не оставляла Максима. Он точно знал, что сможет добиться всего, чего только пожелает. Но на это необходимо время.

Ещё немного и он будет рядом. Он сделает всё, чтобы помочь брату справиться со своими страхами, которые буквально заточились в нем, как в клетке с тяжелым замком. Этого мало, кто замечал. Даже родная мать отрицала очевидное, хотя иногда Максиму казалось, что она всё прекрасно видела и чувствовала.

Подумав о матери, Макс опустил голову и закрыл глаза. Ольга Ветер постарела. Это случилось шесть лет назад и тогда морщинки на её красивом лице будто в одно мгновение превратились в глубокие полосы. Ей было всего сорок восемь лет, но выглядела она намного старше своего возраста.

– Мама похудела, – сказал Макс с пугающим даже его самого шепотом. – Осунулась.

– Это всё жара! – отмахнулась Сима. – На прошлой неделе было тридцать восемь градусов! Лично я думала, что коньки отброшу.

Макс молча улыбнулся, задержав продолжительный взгляд на хозяйке заведения.

– Девушки-красавицы! – воскликнул мужчина у кассы. – Заверните мне двенадцать булочек с сахаром! Они у вас шедевральные!

– Когда ты хочешь сообщить Оле, что собираешься забрать брата в клинику? – спросила Сима, не обращая внимания на громкоголосого мужчину.

– Как можно скорее. Приходи завтра вечером к нам? Я пожарю шашлык, выпьем вина и поговорим. Вы давно дружите и она прислушается к тебе.

– Ты ведь всё равно сделаешь это, да? Неважно, согласится твоя мать или нет, ты всё равно забереешь Макара.

– Я просто хочу, чтобы она поняла, что это действительно необходимо. Позови его сюда. Он там уже небось весь торт съел!

Они улыбнулись друг другу, и Сима прошла на кухню. Макс подтянул к себе высокий стакан с молочным коктейлем и достал сотовый из заднего кармана джинсов. Пока он просматривал входящие сообщения, в заведении появились новые гости.

– Когда поедете на море? – спросила Сима, потрепав Макара по голове. Тот снова забрался на высокий стул рядом с Максимом и притянул к себе долгожданный молочный коктейль. – Завтра обещают дождь, так что не теряйте зря времени.

– Поедем сразу после того, как наедемся сладостей, – обнял Макс младшего брата. – Да, Макар?

– Только давай поедем на то место, где мы всегда останавливались? Первый съезд налево после горки!

Макс и Сима переглянулись.

– А если там будет много людей? Знаешь, как-то не очень хочется загорать, когда совсем близко чужие люди, – улыбнулся ему Макс.

Он заметил, как бровки мальчонки подернулись, а острый подбородок вздрогнул.

– В таком случае, нам необязательно брать с собой покрывало, – сказал Макар. – Давай просто искупаемся и поедем домой?

– Знаешь, – снова попытался Макс, – а я видел в новостях, что у скал открыли ресторан в виде корабля! Говорят, там действительно, как...

– Я не хочу на корабль, – улыбнулся ему Макар. – Я хочу покупаться и вернуться в нашу деревню.

Макс молча поджал губы и подумал, что увезти отсюда Макара будет намного сложнее, чем он себе представлял. Сима поставила перед двумя братьями несколько разноцветных тарелочек.

лок со всякими вкусностями. Эклеры, пирожные, кексы, трубочки – всего было так много, что от одного вида уже слипалось то самое место.

– Знаю, что вы всё не съедите, – засмеялась Сима, – поэтому сложу, что останется в коробку и заберете домой. Кстати, – подмигнула она Макс, – за счет заведения.

– Это необязательно.

– Очень даже обязательно! Не каждый год ты становишься для всех нас приятным сюрпризом!

– Я могу заплатить за нас! – сказал Макар с набитым ртом. – Я теперь работаю.

– О-о-о! – Сима сделала вид, что не в курсе. – Это похвально.

– Марк Филиппович мне сам предложил, – с детской гордостью сообщил Макар. Макс сдержанно вздохнул, не заметив, как на него в этот момент взглянула Сима. – Соберу денег и куплю маме на день рождения новый холодильник!

– Ничего себе! – с улыбкой удивилась Сима.

– Маме нужен новый холодильник? – спросил его Макс.

– В нем постоянно капает вода. И он даже не прохладный. Мама вызывала мастера, но он ничего не смог сделать.

– Почему мама мне не сказала, что у вас сломан холодильник? Когда это случилось?

– Месяца три назад. Макс, ты не переживай! Мы знаем, что тебе нужны деньги на учебу, на жилье, на девушку.

– Сейчас лето, – не обратив внимания на последние слова, в которых не было и толики правды, заметил Макс. – Где вы храните продукты?

– Так у нас же морозильная камера есть!

– Почему мама ничего мне не сказала? – настаивал Макс. – Мы созваниваемся почти каждый день.

– Вероятно, Оля просто не хотела тебя беспокоить, – вмешалась Сима.

– Макс, ты не волнуйся! Я правда заработаю на новый холодильник! – говорил Макар с набитым ртом. – Я очень нравлюсь Линдбергам! Сначала Марк Филиппович предложил мне работу. Благодаря ему теперь все, у кого есть бассейн, зовут меня собрать в нем мусор. А теперь ещё и Оливия предложила работу. – Лицо мальчишки заметно порозовело. – Она красивая.

– Вот те на! – наклонилась к нему Сима через стойку. – Ты что, влюбился в Оливию Линдберг?

– Почему сразу влюбился? Все знают, что она красивая.

Макс ненавидел говорить о Линдбергах. Они и без того были тщеславными придурками, чтобы ещё и обсуждать их. Но Макар был ещё слишком наивен, чтобы понимать, с кем стоило поддерживать дружеские связи, а кого следовало вообще не замечать, будто их вовсе не существовало.

– Завтра мы поедем в город и выберем новый холодильник, – прервал Макс беседу Симы и Макара. Он бы хотел сказать брату, чтобы тот больше не вздумал появляться в доме Линдбергов и выполнять для них какую-то работу, но любовь к нему и вечная тоска не позволяли озвучить этот запрет. – А теперь ешь.

– Макс? – раздался женский голос позади него. Он обернулся. – С ума сойти! Ты приехал!

Алиса Рожина смотрела на него с такой странной улыбкой, словно за спиной её держали на мушке. Макс поднялся со стула и обнял старую знакомую, которая за год с лишним заметно похудела. А ещё, если ему не изменяла память, раньше её светлые волосы были намного короче.

– Когда ты приехал? – спросила она с излишним восторгом.

– Пару часов назад. Отлично выглядишь, Алис. Как родители поживают?

– Хорошо, спасибо! – улыбалась она, поглядывая то на Макса, то на Симу. – Я поступила в университет!

– Ого! Мои поздравления, – улыбнулась Сима.

– Хочу стать известным на весь мир поваром! Правда, мама против, но надеюсь, она привыкнется с моим решением.

– Это похвально. – Сима подмигнула ей. – Многие сейчас выбирают странные профессии. То какие-то пиарщики, то менеджеры! Повар, скажу я тебе, везде пригодится!

– Может когда-нибудь тоже открою свой ресторан, – размышляла Алиса.

– Возьмешь меня на работу? – спросил Макар.

– А как же, – засмеялась девушка. – Будешь управляющим!

– Ого! Я буду управлять! А платить ты мне будешь больше, чем Оливия? Она сказала заплатит мне пять тысяч и две сверху, если я приведу ей ещё ребят.

– О чем это ты? – посмотрел на него Макс.

– Сегодня у Оливии вечеринка и она хочет, чтобы я приносил и уносил напитки для нее и гостей. Как же это... Быть прислугой, – вспомнил Макар и засунул в рот половину эклера.

– Что, прости? – коротко усмехнулся Макс. – Тебе предложили быть прислугой?

– Пять тысяч, Макс, на дороге не валяются, – пытался ответить Макар. – Оливия посоветовала мне купить новый телефон и одежду, но я подумал, что лучше подарю маме холодильник! Одежды-то у меня много. Ты каждый месяц что-то отправляешь, я даже носить не успеваю. А телефоном я почти не пользуюсь. У меня крутой компьютер есть!

– Слышала, Сим? – усмехнулся Макс, глянув на нее. – Двенадцатилетнему мальчишке предложили стать прислугой за пять тысяч.

– ...Нет, что ты, – вмешалась Алиса. – Я уверена, что Макар всё не так понял. Оливия попросила у него помощи. Не бесплатно, разумеется.

– «Помощи»? – взглянул на нее Макс. – И в чем она заключается? Ребенок должен приносить и уносить алкоголь, пока кучка пьяных девиц и парней развлекаются? Мне одному кажется, что человек, сделавший такое предложение, страдает острой нехваткой ума?

Алиса явно не знала, что сказать. Она только продолжала излучать напряженную улыбку, с силой сцепив пальцы в замок.

– Макс! – вздохнул его брат. – Я очень наелся! Пора нам ехать на море!

– Подождите пару минут, – подмигнула Сима. – Я вам всё сейчас заверну с собой.

– Что ж, рада была видеть тебя, Макс, – наконец, сказала Алиса, будто понимая, что больше говорить им было не о чем. – Ты, кстати, надолго к нам?

– На пару недель.

– Совсем чуть-чуть.

– Как есть, – пожал он плечами.

– Макс учится, чтобы стать богатым! – заявил Макар, с трудом сползая со стула.

– Уверена, у него всё получится, – подмигнула ему Алиса. – Надеюсь, ещё увидимся.

Макс молча кивнул и взглянул на брата. Когда Алиса скрылась из виду, Макар прошептал, что ему нужно зайти в уборную перед тем, как они поедут на пляж.

– Готово! – Сима поставила огромную белую коробку в не менее огромный белый пакет. – Можете поставить её в морозилку, а как захотите что-нибудь поесть, достаньте минут за сорок.

– Спасибо, Сим. – Макс встал на ноги и взял пакет. – Ты знала про холодильник?

– Оля говорила мне, что он барахлит, но после приезда мастера всё, кажется, было нормально. Послушай, Макс, – мягким и тихим тоном сказала Сима, – твоя мама очень переживает за тебя. Всё время беспокоится, не голоден ли ты, есть ли у тебя деньги, есть ли еда в холодильнике? Она просто не хотела обременять тебя вот и всё.

– Моя семья никак не сможет меня обременить, – низким голосом ответил Макс. – Никогда. И если что, я всегда сыт, обут и одет. И снимаю отличную студию в десяти минутах от университета. Напомни ей об этом, когда в следующий раз она будет «беспокоиться». До завтра, Сима!

– До завтра, Макс!

И почему ни на кого нельзя было положиться? Оливия упрямо смотрела на подругу, у которой не то отсох язык, не то куриные мозги.

– И это всё?

– Оливия, ты назвала его младшего брата «прислугой», – шепотом напомнила Алиса.

– Я же это в шутку сказала! И вообще, я не называла так этого клопа! Он что, шуток не понимает?

– Кто из них? Двенадцатилетний Макар или его старший брат?

Оливия с раздражением вздохнула и бросила взгляд в сторону выходящего из заведения Макса. Она заметила, с каким интересом смотрели на него другие девушки. Ещё бы! Высокий и отлично сложенный, он мог бы стать победителем в конкурсе на самого симпатичного и одновременно пугающего деревенского парня. Впрочем, его сдержанная жестикуляция, ровная осанка и заметно думающий взгляд выдавали в нем городского жителя. За годы, проведенные здесь по два-три месяца, Оливия могла с легкостью отличить местных от городских. Первые, как правило, много болтали, носили старую, как по стилю, так и по виду одежду, а их сутулость была результатом многолетнего ведения домашнего хозяйства. Да и пахло от них не всегда приятно.

Оливия взглянула в окно. Макс остановился у черного мотоцикла и поставил белый пакет на асфальт.

– Так уж и быть, – устало вздохнула она и промокнула губы салфеткой. – Если у тебя не хватило духу пригласить взрослого парня на вечеринку, тогда это сделаю я.

– Это не самая лучшая идея.

Но Оливии было плевать. Она уже уверенно шла между столиками, не замечая на себе чужие взгляды. Если Оливия Линдберг чего-то хотела, то получать это она привыкла сию же минуту.

Полуденная жара ударила по оголенным ногам горячим и плотным воздухом. На парковке было много автомобилей и один единственный мотоцикл. Расправив плечи, Оливия направилась к парню, по которому наверняка сохли все местные девицы. Когда он надел солнцезащитные очки и наклонился к металлическим внутренностям двухколесного агрегата, Оливия нарочно остановилась совсем близко к нему, дав возможность насладиться и в конце обалдеть от её роскошных длинных ног.

Максим медленно выпрямился и поднял очки на лоб. А вблизи он оказался ещё симпатичнее. У такого парня определенно была девушка, да ещё и какая-нибудь деревенская скромница, которая бережет себя для первой брачной ночи! Но Оливии было и на это глубоко начхать. Взгляд синих с крошками пепла глаз оценивающе прошелся по её лицу. Его задумчивое молчание заставило Оливию вспыхнуть. Она вдруг почувствовала себя одной из тех девушек, которых преподносили в качестве подарка для состоятельных мужчин. Такие случаи наверняка имели место быть в реальной жизни, но пока она знала о них только из фильмов и книг.

– И долго ты будешь молчать? – не сдержалась она, впервые оказавшись в ситуации, когда парень, глядя на нее, молчал.

– А что мне тебе сказать?

Какой красивый и низкий у него был голос. Оливия даже хохотнула внутри себя. Парень из какой-то деревни был не просто красавчиком! Его голос, как хитрый змей, обвивал её тело, лаская прохладным прикосновением. Будут ещё приятные сюрпризы?

– Ты мог бы спросить, как у меня дела? – улыбнулась она.

– Мне это не интересно.

– А я думаю, что ты просто набиваешь себе цену.

Издав терпеливый вздох, Макс опустил очки на глаза и огляделся, будто кого-то ждал. Ах, да! Своего младшего брата с длинным языком.

– Это всё? – спросил он так, словно Оливия ему мешала.

– Ты знаешь, кто я?

Он усмехнулся. Кто бы сомневался, что и улыбка у него будет не менее завораживающей, чем он сам.

– Девушка, которой очень не хватает общения и от отчаяния она занимается тем, что подавливает людей на парковке и навязывает себя?

– А ты грубиян.

– Очевидно, ты не знаешь, что такое грубость.

Взявшись за металлические ручки руля, Максим перебросил ногу и сел на мотоцикл, невольно задев плечом Оливию. Нос успел уловить легкий запах мяты.

– Ты не можешь не знать меня, – самоуверенно сказала Оливия, подойдя к мотоциклу так близко, что её бедро касалось ноги вскружившего ей голову парня. – Здесь каждая лягушка знает мое имя.

– Любопытный у тебя круг общения. Впрочем, свояк свояка видит издалека.

– А ты ещё и дерзкий парень!

– Ты путаешь дерзость с последними остатками вынужденной вежливости.

– Надо же, – усмехнулась задетая его высокомерием Оливия. – Не прошло и пяти минут, как ты уже держишься на «последних остатках». Неужели тебя так просто лишит равновесия?

Максим снова оглянулся, будто не хотел, чтобы этой беседе были свидетели. Он снял очки одним движением руки, и теперь его потемневший от раздражения взгляд с заметным презрением прошелся вверх-вниз по её лицу.

– Мне плевать, кто ты. Как тебя зовут. И что ты здесь забыла. Ты выглядишь смешно, когда пытаешься изображать из себя стерву со скудным запасом мозгов. Со вторым ты, конечно, справляешься. Это дано тебе от природы. Но первое терпит сокрушительное фиаско, так что, – оглядел он её с головы до ног, – смех смехом.

– Кретин, – оскалилась Оливия. Ещё никто не позволял себе говорить ей настолько отвратительные грубости, как этот деревенщина. – Я всего лишь хотела пригласить тебя на вечеринку, но вижу, что ты этого просто недостойн.

– Видимо, как и ты недостойна мозгов, – подмигнул он ей.

Оливия разозлилась. Надо же, он отшил её! Её! Противнее всего то, что когда она вернется в кафе, Алиса скажет что-то вроде «я же тебе говорила».

– А, знаешь, – усмехнулась она, сделав шаг назад, – ты ещё прибежишь ко мне. Будешь стоять под воротами и слезно умолять впустить тебя в мой дом. Может быть я и проявлю свое милосердие. Смотря, как просить будешь. И, кстати, – подмигнула она в ответ, а потом с силой наступила на коробку, полную пирожных, эклеров и кусочков от разных видов тортов, – много сладкого есть вредно. До встречи, ковбой!

Оливия знала, что Алиса наблюдала за ней из окна. Она старалась держаться уверенно, будто, как обычно для Оливии Линдберг не было ничего невозможного. Свою злость она выплеснет чуть позже, а пока ей очень нужно сделать так, чтобы подруга лишней раз ею восхищалась, а кретин, на соблазнительную внешность которого она с такой легкостью купилась, непременно пришел сегодня на её вечеринку. Он ещё извинится перед ней за свои оскорбительные слова. Непременно извинится!

– Как всё прошло? – захлопала глазами Алиса, поднявшись из-за стола.

– Бесподобно, – закатив глаза, ответила Оливия. – Подожди меня здесь. Мне нужно в уборную.

– Тогда я с тобой...

– Подожди меня здесь, пожалуйста! – сквозь зубы приказала Оливия. Алиса замолкла и медленно села на стул.

Пролетая мимо длинной стойки, Оливия была так увлечена своими мыслями, что не заметила, с каким подозрением смотрела на нее хозяйка сего заведения. Только Оливия подошла к дверям уборных, как из крайней вышел темноволосый мальчишка, что сегодня утром чистил её бассейн.

– Эй, клоп? – шикнула она и схватила его за руку. – Ну-ка иди сюда! – Пригвоздив мальчонку к стене, Оливия постаралась изобразить улыбку. Младший брат говнюка смотрел на нее перепуганными глазами. – Тебе ведь нужны деньги?

– ...Нужны.

– Ты ведь хочешь купить себе телефон последней модели, чтобы хвастаться им перед своими бедными друзьями?

– Мне нужен холодильник, – произнес малец, страхась даже в глаза ей посмотреть.

– Ты и правда с приветом, – закатила глаза Оливия. – Если ты придешь сегодня вечером, я заплачу тебе пятнадцать тысяч.

– Пятна-а-адцать? – обалдел мальчишка. – Это же очень много.

– Ты сможешь купить и холодильник, и пылесос, и всё, что только пожелает твое...воображение. – Поняв, что предложение заинтересовало мальчишку, Оливия расслабила руки, а потом с улыбкой погладила его по голове. – Ты ведь умный мальчик. Хороший. Милый. Ты очень хочешь помочь своим родителям.

– Маме, – исправил он, глядя на нее большими синими глазами. – Мой папа умер. И теперь мы живем...

– Ладно-ладно, я поняла. Очень жаль и бла-бла-бла. – Оливия снова натянула улыбку. – Знаю, к тебе приехал старший брат и ты хочешь провести с ним как можно больше времени. Но моя вечеринка сегодня, гости уже собираются. Я не могу её отменить.

Мальчишка задумался. До чего же несчастное дитя, подумала Оливия. Пятнадцать тысяч для него огромные деньги, хотя по сути это были сущие копейки, за которые она бы не смогла купить даже хороший парфюм.

– Послушай, ты мне очень понравился, – ещё мягче добавила Оливия. – Я не хочу, чтобы в моем доме ходили люди, которым я не доверяю. А тебе я очень доверяю. – Надо бы назвать его по имени, да вот только у Оливии оно вылетело из головы. – С тобой мне спокойнее.

– Правда? – почти ахнул от неожиданности мальчишка. Оливия продолжительное кивнула. – Тогда я обязательно приду, Оливия. Не обещаю, что надолго. Но я приду.

– Какой же ты хороший мальчик, – погладила она его по щеке. – И вот ещё, не говори брату, куда ты уходишь. На всякий случай оставь записку на своей подушке. Напиши где ты и когда вернешься. Чтобы он не волновался, если вдруг обнаружит твое исчезновение.

– Я скажу, что хочу спать и пойду к себе! – обрадовался мальчишка своей идее. – Ты правда заплатишь мне пятнадцать тысяч?

– Милый, перед тобой Оливия Линдберг. Если я что-то пообещала, я это точно сделаю. А теперь иди, тебя ждет твой брат.

Дабы подсластить пилюлю, Оливия оставила короткий чмок на мгновенно вспыхнувшей щеке мальчонки. Он смутился и, коротко кивнув ей, побежал к выходу.

Протяжный вздох восемнадцатилетней девушки двинулся вдоль по узкому коридорчику, на светлых стенах которого висели старые в потрескавшихся рамках фотографии, где каждый житель «Луны» мог запросто найти себя или своих родственников. Оливия с отвращением окинула взглядом несколько фотографий, испытывая легкое чувство стыда за свое присутствие в этой дешевой забегаловке. Она не ела сладкое и мучное, строго следя за фигурой. И потому здешнее место, как и разношерстное сборище людей, прямо говоря, очерняли её статус. Нелепо,

что такой человек, как её отец, вложил огромные деньги в эти убогие земли, которые когда-то так захватили его сознание! Сколько же раз она слышала эту дурацкую историю.

– Оливия, привет! – позвал её мужской голос. Девушка остановилась между столиками и свысока взглянула на трех парней. Те улыбались ей с издевкой, с напускной дерзостью, изображая из себя крутых. – Составишь нам компанию, крошка?

Зная, что на нее обращено внимание многих гостей заведения, походкой от бедра она подошла к столику местных придурков и опустила на гладкую поверхность ладони. Оглядев каждого из них, она лениво улыбнулась и потянулась за полным смузи стаканом.

– Не против, если я попробую? – промурлыкала она, глядя на блондина с полными, как пельмени, губами. Мерзкая же у него физиономия. – С чем он?

Парень явно обалдел от столь пристального внимания роскошной девушки, которую знала вся деревня.

– ...Да бог его знает, – нервно усмехнулся тот. – Фрукты какие-то. Ягоды. Хочешь, забери мой. Я к нему ещё не притронулся.

Хмыкнув, Оливия набрала в рот побольше слюны и плюнула в стакан.

– Ещё раз хоть кто-то из вас, дебилов, назовет меня «крошкой», и я подпалю ваши дома, пока вы будете сладко спать. Теперь он стал вкуснее, – подмигнула она блондину и жестом руки приказала Алисе идти за ней.

3

Изображение с Аглаей Линдберг зависло и покрылось квадратиками. Возможно, что она уже не видела дочь, но Оливия продолжала счастливо улыбаться.

– Мамочка? – с деланной добротой спросила она. – Мамочка, ты здесь?

Экран потемнел, а через секунду высветилась долгожданная надпись: соединение прервано.

– Хочешь, позвони с моего? – предложила Алиса.

– Вот ещё! Разговаривать с мамочкой сущее наказание, – фыркнула Оливия, швырнув телефон на столик. Она сидела перед зеркалом и наносила макияж, когда её мамаше захотелось в очередной раз прихвастнуть красотами Кипра, Ниццы, Милана и ещё сотни роскошных мест, куда она уезжала исключительно со своими подругами. – Не понимаю, зачем она звонит мне?

Это был риторический вопрос, но Алиса этого явно не поняла.

– Она же твоя мама. И скучает по тебе.

– Она обыкновенная баба, которая ездит по всему белому свету, спит с мужиками, пьет дорогое шампанское и веселится на полную, пока её дочь вынуждена торчать в богом забытом месте.

Алиса часто заморгала.

– У твоей мамы есть любовник?

Оливия развернулась на крутящемся стуле и вальяжно опустила руки на кожаные подлокотники.

– И не один. Возможно, что они и спят все вместе. Одновременно, – усмехнулась Оливия, чувствуя себя взрослой и знающей.

– ...А как же твой папа?

– А у папы любовниц ещё больше. А не разводятся они, потому что мама оттяпает огромный кусок имущества у папы, а он пока не придумал, как всё это дело обойти. И вообще, есть ещё я – его любимая дочурка, без которой он просто не может жить! – с сарказмом добавила Оливия.

– Но откуда ты знаешь об этом? – шепотом спросила Алиса.

– Папа слишком громко разговаривает по телефону. – Перекинув ногу за ногу, Оливия оглядела подругу. – Ты что, ещё девственница? Смотришь на меня так, будто я говорю тебе какие-то непристойности.

– Для меня это удивительно. Я всегда думала, что твой папа очень любит твою маму, а она...

– Наивная же ты, – засмеялась Оливия. – Миром правит секс, а не какая-то любовь. И ещё другая любовь – к единственным детям, которых они считают «цветами» их жизни, – снова сострила Оливия. – Так и что, ты уже была с парнем? Знаешь, что такое член в твоём теле? – нарочно спрашивала она, замечая, как краснеет лицо Алисы. – Или у тебя во рту?

– Я девственница, Оливия, – почти дрожащим голосом ответила она. – Мы с Ваней встречались всего две недели, а потом он уехал.

– Кто такой этот Ваня?

– Приезжий. Отдыхал здесь с семьёй в июне.

– Пф! Я думала он взрослый! Милая, трахаться нужно с парнями постарше, а не ровесниками!

– Ты такая... смелая, – напряженно улыбнулась Алиса. – Ты всю жизнь прожила в столице, в огромном мегаполисе и много всего знаешь.

– Это верно.

– У тебя, должно быть, было много парней. А у меня всего-то Гриша Баянов и... Ваня.

– Вот же скукота. Самое печальное, что ты ведешь себя, не как взрослая восемнадцатилетняя девушка, а глупый четырнадцатилетний подросток!

– Мне ещё семнадцать.

– А я в шестнадцать уже потеряла девственность!

– Ты не рассказывала.

– Потому что твоя детская психика на тот момент этого бы не вынесла. У меня много подруг в городе, которые переспали с парнем и в пятнадцать. Ты, милая моя, засиделась.

– Не хочу с этим спешить. Я поступила в хороший университет. Может быть встречу там самого лучшего парня на свете? – улыбнулась Алиса, предавшись мечтам. Немного подумав, она тихонько спросила: – А это больно? В первый раз.

– Только не говори, что и все твои подружки тоже девственницы!

– Вообще-то да, – засмеялась Алиса.

– С ума сойти! Хочешь сказать, что местные парни не любят трахаться? Что с вами со всеми? – Откинув назад волосы, Оливия с деланной усталостью закатила глаза. Можно было подумать, что она собиралась в тысячный раз повторять одно и то же. – Это не так больно, как кажется. Потом вообще кайф.

– Сколько у тебя было парней?

– С которыми я спала? – Алиса молча кивнула. – Достаточно, чтобы понять, что секс прекрасен, а каждый член уникален. Ой, да брось краснеть! Зуб даю, как только ты пересподишь с парнем, для тебя откроется мир, полный наслаждений. Правда, со второго раза. И потом ты не будешь падать в обморок при слове «член».

– Оливия, – смущенно улыбнулась Алиса.

– Член. Член! Член! – продолжала веселиться та. – Интересно, какой он у этого Макса? У него есть девушка?

– Сейчас не знаю. Он ведь живет в Москве. Немногим там удается задержаться! А Макс в университет поступил, работу нашел и, наверняка, очень скоро удивит всех нас своими достижениями. Потому что для него нет ничего невозможного.

– Мм, – задумалась Оливия. – А раньше встречался с кем-нибудь?

– Да. С Марией Новик. Они, кстати, были красивой парой. Жаль, что у них ничего не вышло. Оливия, ты мне так и не рассказала, как тебе удалось убедить его прийти сегодня?

– Не понимаю, почему ты так удивляешься? Неужели ты думала, что я не способна сделать первый шаг?

– Ничуть, – честно ответила Алиса. – Просто Макс... Он необычный парень, – с доброй улыбкой произнесла она. – Принципиальный. Целеустремленный. Он тот, кто будет до победного защищать родных и близких ему людей. Я это к тому, что Макар для него – лучик света. Помню, как-то раз со двора их соседей вырвалась огромная и чертовски злая собака. Макар гулял на улице с другими детьми, и эта псина набросилась на него. Макс выбежал на крики, оттянул эту собаку и с одного удара вышиб ей мозги. Хозяева подняли скандал, требовали компенсации, ведь это была какая-то породистая псина. А потом они все бежали из деревни так быстро, что одни пятки сверкали.

– Почему они это сделали?

– Жизнь в деревне уникальна тем, что новости и слухи распространяются очень быстро. Многие поступили бы так же на месте Макса. И потому не было и дня, чтобы этим людям в открытую не высказывали мнение насчет их гнусного поведения. Их двор постоянно разрисовывали красками. Короче говоря, жить здесь им стало невыносимо.

– И всё из-за какой-то собаки? Она что, сильного его покусала?

– Благо ничего серьезного. Но она очень напугала Макара. А для Макса достаточно выпавшего волоска с головы брата, чтобы уничтожить человека морально и...физически. Поэтому, я очень удивилась, когда ты сказала, что он придет сегодня. Потому что я видела,

насколько потемнел от злости его взгляд, когда он услышал, что ты назвала Макара «прислугой».

– Сколько раз можно говорить? – вспыхнула Оливия. – Я не называла так эту малявку! А если и сказала это слово, то в шутку и без какого-либо злого умысла! Тебя послушать, так этот Макс какой-то терминатор, ей-богу! Но, если тебе станет от этого легче, так уж и быть – он сказал мне нет. Более того, этот кретин оскорбил меня, причем несколько раз. Сделал вид, что не знает, кто я такая, представляешь?

– Не обращай внимания. Макс хороший парень, но у него есть свои заботы и тараканы. К тому же, он здесь на пару недель, а потом снова уедет на год, два, три. Может, навсегда. Кто знает? – улыбнулась Алиса. – А я по собственному опыту могу сказать, что встречаться с парнем две недели – так себе удовольствие. Особенно, если он очень хороший.

– После того, что этот тупица наговорил мне, он может рассчитывать лишь на плевков в спину, – закатила глаза Оливия. – Но он придет сегодня, – тут же растянулась она в коварной улыбке. – Теперь-то я в этом точно не сомневаюсь.

– О чем ты, Оливия?

– Я сказала его младшему и наивному братику, что заплачу ему пятнадцать тысяч, если он сегодня тайком сбежит из дома. Пусть приходит и поработает немного. А когда Макс узнает, что мне-таки удалось сделать из его братишки своего слугу, он моментально сюда зайвится, только я его не пушу. Посмотрим тогда, как он запоет.

– ...Оливия, он очень разозлится, – поерзав на диване, прошептала Алиса.

– И хорошо, – пожала она плечами. – Видишь ли, я сегодня выслушала слишком много оскорблений. Я обижена, черт возьми. И зла. Теперь моя очередь отрываться по полной.

Алиса с трудом изобразила улыбку и принялась накручивать шелковые локоны Оливии на крупную плойку. Она смотрела на множество стеклянных флаконов с дорогим парфюмом, собранными, точно целая коллекция на парфюмерном столике. Сверкающая шкатулка с драгоценностями манила открыть её и прикоснуться к каждому украшению, стоявшему целое состояние. Какой бы порой гадюкой не была Оливия, Алиса мечтала стать такой же. Смелой, бойкой и уверенной в себе. Встречаться с самыми лучшими парнями, быть такой же продвинутой, умной и общительной... Как же Алиса хотела стать такой же, как Оливия Линдберг, которую многие ненавидели только лишь потому, что она была слишком строптива и оттого желанна.

4

Когда Макс вышел из душа и начал протирать голову полотенцем, его локоть больно ударился о деревянную перегородку, которую Ольга Ветер покрасила в ярко-голубой цвет, изменив вечнозеленому. Этот деревянный уличный душ, построенный ещё его отцом, всегда был слишком мал для него. Чтобы войти, приходилось нагибаться, а уж чтобы встать под зонтик, из которого бежала вода, расставить пошире ноги, либо согнуть их в коленях. В любом случае, надо было хоть немного стать ниже, иначе зонтик упирался прямо в макушку.

Повесив на плечи мокрое полотенце, Макс огляделся. Всё тот же сарай с барахлом, от которого его мать никак не желала избавляться. Шифер на крыше прохудился, а от прошлогоднего града в некоторых местах образовались дырки. Пара клеток с кроликами, длинный навес, где хранилось немного сена и корм, кривая деревянная калитка, ведущая в огород. Да уж, задний двор давно нуждался в переменах и грандиозной реконструкции. Да и не только он. Макс частенько подумывал над тем, чтобы сравнять с землей старый с потрескавшимися стенами дом и возвести новый. Крепкий, просторный и современный. С большими окнами, покатою крышей и лоджией на втором этаже по всему периметру дома, чтобы можно было видеть больше и дальше.

Дом семьи Ветер располагался в завидном месте. С одной стороны открывался вид на деревню, с другой на море и закругленный берег через несколько километров пшеничных и кукурузных полей, но самым завораживающим зрелищем были виноградники. Они тянулись на километры вперед и заканчивались большим вытянутым зданием с темной крышей, где изготавливалось и хранилось вино. Здесь всегда пахло травой, сахаром и виноградом, а если закрыть глаза, то можно было уловить приятный запах денег. Вино Марка Линдберга считалось одним из лучших в Крыму и приносило ему добротный доход. А ведь на его месте сейчас мог быть Макс, если бы однажды его отец прислушался к нему.

Если бы.

И единственное, что омрачало эту чудесную картину, был дом Линдбергов. Он так же возвышался над виноградниками, но был воистину несуразным пятном среди бескрайней зелени и высоты ярко-голубого неба. Макс не сомневался, что Марк Линдберг каждый вечер осматривал свои владения сквозь телескоп, а когда становилось чертовски скучно, наблюдал за соседями.

– Смотрю на тебя и всё ещё не могу поверить, что ты здесь, – прервала его мысли мать. Она снимала с веревки постиранное белье и никак не могла оторвать глаз от сына. – Один из лучших дней в моей жизни. Помечу его в календаре.

– Ты преувеличиваешь! – засмеялся Макс.

– Ни ни секундочку! Когда у тебя будут свои дети, которые так же покинут гнездо и будут навещать тебя раз в пятилетку, я посмотрю, что ты скажешь!

– Про гнездо в самую точку, – подмигнул он. – Давно пора избавляться от него.

Ольга Ветер задержала на сыне улыбочивый взгляд, но как только поняла, к чему он клонит, закатила глаза и протяжно вздохнула.

– Макс.

– Да, мам?

– Не надо об этом. Пусть мечты останутся мечтами.

– Мечты на то и созданы, чтобы сбываться. Этот дом построили алкаши в пятьдесят пятом году. Не сложно догадаться, что в фундаменте зарыты рюмки и бутылки. Стены лопаются. Удивляюсь, как ещё крыша не течет.

– Спасибо тебе, сынок. Завтра дождь.

Макс улыбнулся.

– Почему ты не рассказала мне про холодильник, мам?

– Потому что это не столь колоссальная проблема, чтобы я обращалась к тебе за помощью. Не думала, что твой брат проговорится так скоро.

– Это вышло случайно.

– Знаю я его «случайно»!

– Давай снесем этот дом? Построим новый, где тебе не придется белить стены? Комфортный душ, ванна, – не сводил он глаз с её осунувшегося лица. Что-то такое болезненное касалось его сердца всякий раз, когда он обнаруживал новую морщинку или темное пятнышко. – Деньги-то у нас есть. Я сейчас работаю, а дальше будет только лучше, мам.

– Родной мой, – тоном невероятно мягким и любящим обратилась к нему мать, – ты обязательно это сделаешь. Обязательно. Но чуть позже. Точно не сейчас.

Макс смотрел на нее так внимательно, будто чувствовал витающую в воздухе тайну, которую никак не мог поймать за хвост. А она точно была, ведь в темных глазах Ольги Ветер блеснул знакомый болезненный огонек.

– Мам? – медленно произнес Макс, не сводя с нее глаз. – Ты что-то скрываешь от меня? Что происходит?

Сняв последнюю наволочку с веревки, Ольга аккуратно сложила её и опустила в корзину к другим вещам. Не поднимая глаз на старшего сына, который был точной копией её отца, она тихо сказала:

– Я больна, Максим. Это онкология. По-женски. Случай уже не операбельный, так что... – Женщина судорожно вздохнула и, наконец, подняла глаза на сына. – Всё хорошо, родной. Правда. Боже, – выдохнула она, подняв глаза на вечернее небо, – неужели я сказала тебе.

– Когда ты узнала? – не своим голосом спросил Макс. Да и вопрос вылетел из его рта на автопилоте.

– Слишком поздно, чтобы можно было что-то предпринять.

– Когда? – требовательно смотрел он на нее.

– Пять месяцев назад.

– Пять месяцев, – повторил он шепотом, отказываясь верить в происходящее. – Почему не сказала? Почему не позвонила мне и не сказала?!

– Потому что я знала, что ты приедешь сюда, бросишь учебу, работу и будешь возиться со мной. Везить по клиникам, тратить деньги, которые тебе пригодятся.

– «Тратить деньги, которые мне пригодятся»? – с трудом выговорил он. – Мама, ты совершила глупость! Ты совершила непростительную глупость, не сообщив мне, в каком ты состоянии!

– Максим, послушай! – едва сдерживая слезы, взмолилась женщина. – Не надо так. Прошу тебя! Я собиралась тебе сказать, но не так, как это произошло сейчас! Я очень хочу, чтобы ты добился всего, о чем так мечтал, мальчик мой!

– Если бы ты сообщила мне раньше, я бы нашел способ помочь тебе, мама! Почему ты постоянно волнуешься об этих чертовых деньгах?!

– Потому что твой отец совершил ошибку и единственное, что я могу – не обременять тебя своими проблемами! – Медленно выдохнув, Ольга Ветер плавно опустила веки и тихим тоном сказала: – Максим, я знала, что уже ничего нельзя изменить. А ты бы не понял. Ты бы цеплялся за пустые надежды и тратил деньги, которые понадобятся вам с Макаром. Отец не послушал тебя и продал ценные земли Линдбергу за копейки, купившись на его пламенные речи. А они были ваши с Макаром и ты бы точно знал, что с ними сделать. Эти деньги нужны тебе, сынок. Я не знаю, что ты придумаешь, но я ни секунды не сомневаюсь, что у тебя всё получится. Ты ведь мой, – погладила она его по лицу. – Не думай ничего. Я хорошо себя чувствую. У меня хороший врач. Она очень внимательна и несколько раз в неделю звонит мне, интересуется моим состоянием и всё такое. А деньги, что ты отправляешь нам, я почти не

трачу. У нас-то всё есть, – улыбнулась она с заметной болью в глазах. – У Макара полный шкаф одежды, которую ты отправляешь. Если только продукты покупаю и так по мелочи.

Ноги отказывались держать его тело. Не в силах взять себя в руки, Макс спрятал лицо в ладонях, но не потому что из его глаз бежали слезы. Нет, он не плакал. Он просто не знал, куда себя спрятать от взгляда, который медленно тускнел, но продолжал любить и верить в него.

– Это всё невозможно, – произнес он в ладони. – Не правда.

Он обошел мать и сел на деревянную лавочку. Опустив локти на колени, Макс обхватил голову и с силой схватился за мокрые волосы. Твердая земля под ногами стремительно превращалась в болотную жижу. Ольга села рядом.

– С чего этот врач взял, что ничего нельзя сделать?

– С того, что она врач и у нее есть медицинское образование. – Шутку Макс не оценил. – Я сдала достаточно анализов, чтобы определить степень тяжести.

На его языке вертелся страшный вопрос, ответ на который был ещё ужасающее. Будто ощутив причину столь продолжительного молчания, Ольга тихо сообщила:

– Год.

В глазах появились темные пятна.

– «Год». Мам, я уверен, что мне удастся найти толкового специалиста в Москве и...

– Нет, – перебила она, опустив ладонь на его плечо. – Это бессмысленно. Не трать на это времени, родной. Я уже свыклась с этой мыслью. Я свыклась со всем, понимаешь?

– Нет, не понимаю, – упрямо посмотрел он на нее. – Ты узнала о болезни пять месяцев назад и УЖЕ свыклась? У тебя есть двенадцатилетний сын, который будет нуждаться в тебе ещё очень много лет! – Макс не замечал, каким громким и безнадежным становился его голос. – У тебя есть я, который обещал построить на месте этой рухляди большой дом! Что же ты такое говоришь, мам?

– Ты построишь его, – спокойно сказала Ольга, крепко взяв сына за руку. – Построишь. Может не здесь, а в каком-то другом месте, где вы с братом будете жить. Пока он не вырастет, не поступит в университет, а вскоре не женится, – размечталась она. – Уедете подальше отсюда и начнете другую, намного более счастливую жизнь.

Макс не хотел ничего слушать. Он уже знал, к кому обратиться за помощью, выстраивал в голове новый план. Он снимет квартиру чуть больше, чтобы им троим не было тесно. Пока Макар будет проходить обследование, он объедет с мамой всех самых лучших онкологов в столице и отдаст любые деньги, только бы она была жива и здорова.

– Не делай этого, сынок, – будто читая его мысли, произнесла Ольга. Макс медленно повернул к ней голову. – Я хочу прожить последние месяцы в родных стенах, без ежедневных напоминаний о заразе во мне. Я хочу видеть улыбку Макара. Хочу получать от тебя радостные новости о твоих успехах. Хочу продолжать работать в школе и крутиться в привычной для меня рутине. Пойми меня, пожалуйста.

– Но ты ведь ещё так молода, мам, – произнес Макс сдавленным голосом.

– Такова моя судьба. И никто не в силах её изменить.

Ком болезненной безнадежности застрял в гортани, горькие слезы ждали своего часа, раздражая глаза и нос. Макс поднялся на ноги и неряшливо повесил на веревку банное полотенце, которое всё это время лежало на его плечах. Он долго и молчаливо смотрел вдаль, где в это время уходящего дня, море сливалось с темнеющим небом и увидеть эту границу мог лишь тот, кто много лет в этом практиковался.

– Об этом никому неизвестно, – сказала Ольга, встав позади него. – Пусть так и останется. Я не хочу видеть на себе жалостливые взгляды. Проказники в школе должны по-прежнему меня побаиваться, – улыбнулась она.

Макс обернулся и сжал маму в крепких объятиях. От нее всегда пахло цветами и персиками. Вся её одежда источала мягкий и его самый любимый запах. Её темные с проседью

волосы ласкали его лицо. Он зарылся в них носом и мысленно унесся в беззаботное детство. Макс вспомнил, как мать бежала за ним по улице с веткой сирени в руках и хлестала его по ногам, потому что он никак не желал идти домой на обед. Их продолжительные объятия будто напоминали друг другу о счастливом прошлом и возможности превратить в него настоящее, каким бы горестным и болезненным оно сейчас не казалось. Двенадцать месяцев слишком мало. Слишком бессердечно, чтобы пытаться найти в них хоть что-то хорошее.

– Отлично вы сегодня, мальчики, поплавали в море, – перевела тему Ольга, заглянув сыну в глаза. – Макар так утомился, что уже крепко спит! Даже сериал про каких-то монстров пропустил. Ты, должно быть, тоже устал. С долгой дороги и сразу на море. Сейчас я разогрею ужин, а потом застелю тебе постель.

– Завтра я съезжу в город и арендую автомобиль. Поедем на море, в аквапарк.

– Макар будет в восторге, – улыбнулась Ольга.

– Сегодня мы зашли к Симе в кафе и я пригласил её завтра на ужин. Ты не против?

– Когда я была против? Я бы, конечно, не отказалась и с твоей девушкой познакомиться и поужинать, – как бы невзначай добавила она, – но Сима, так Сима.

– Мам, – устало улыбнулся Макс, – нет у меня девушки. Сколько раз повторять?

– Ладно-ладно. Молчу. – Поцеловав его в лоб, Ольга подняла корзину с бельем и отступила назад. – Пойду разогревать еду. Если бы ты сообщил мне, что собираешься сегодня приехать, я бы приготовила праздничный ужин. А теперь он переносится на завтра.

– Переживу, – подмигнул ей Макс с улыбкой, которую так сложно было изображать.

Когда мать скрылась за дверью летней кухни, Макс, поджав губы, медленно побрел к покосившейся сетке, что была своеобразным забором, за которым расстилались ровными рядами виноградники.

Холм, на котором стоял дом семьи Ветер, был не выше Линдберовских угодий. Эти места считались окраиной Луны и местные, не замечающие привычных красот, обходили их стороной, считая за бессмысленную данность. Но до чего же живописными и дикими были эти росписи природы. Вдали скалы, чуть ближе и в стороне лазурное море, а зеленые виноградники, протяженностью в несколько километров, будто утопали в продолговатой низине. И когда-то эти земли принадлежали семье Ветер. И когда-то Макс точно знал, что с ними сделает. Но отец посчитал фантазии старшего сына глупыми бреднями и распорядился дорогостоящим имуществом иначе.

Его душа болела. Несколько минут назад он смеялся, принимая душ в странной и несуразной позе, а теперь стоял и смотрел на потери, которые уже никогда не вернуть, и думал о той, что ему и Макару ещё предстоит испытать.

В доме Линдбергов горел свет. Точнее сказать, вся их территория светилась яркими прожекторами, будто они присвоили свет всех домов в деревне, только чтобы их хоромы блистали в лучах напускной славы. Макс ненавидел их. Ненавидел Марка Линдберга с его показной заботой и засахаренной добротой, за которыми мало кто мог увидеть гадкую изворотливость и злое хитроумие. Он ненавидел его высокомерную жену, которая однажды назвала Макса попрошайкой и бросила ему из окна своей машины упаковку жевательной резинки. А ведь он просто сел на кусок камня, чтобы перевести дух после изнурительной работенки. Две тонны угля лежали горой перед их двором и его нужно было перенести в сарай. Он ненавидел их бестолковую дочурку, которая мешала с дерьмом всё, что видела, хотя по факту, она сама им и была. И ему совершенно не нравилось, что Макар выполнял указания этих прогнивших мозгами и душами людей. Какие бы деньги они ему не платили.

В мысли невольно ворвалась самоуверенная девица, уничтожившая все сладости за одну секунду. Такие наглые и бессовестные, как она, никогда не меняются. Вредность прирастает к их характеру крепкими корнями и выкорчевать их становится невозможным. Какие родители,

такие и дети. Нечестно, что этой ненормальной достались такие красивые глаза. Настоящие изумруды, упавшие на дно синего моря.

Отгнав неуместные мысли, Макс зашел в дом, чтобы надеть свободную и легкую рубашку. Он застегнул на руке широкий ремешок часов, закатал рукава до локтя и решил заглянуть в комнату младшего брата. Странно, что Макар ушел спать в такую рань. Обычно он сидит с Максом до самого утра, расспрашивая его обо всем на свете.

Тихонько приоткрыв дверь, Макс подумал о будущем, в котором не будет мамы. Как переживет всё это Макар? Как подготовить его? Как избавить его от страданий, которые так безжалостно преподнесет для него судьба?

Тяжесть мыслей давила на плечи. В висках раздался болезненный выстрел. Макс приоткрыл дверь пошире и попытался взглянуть в спящего брата, которого так старательно скрывала темнота. Он тихонько вошел в комнату и, чем ближе подходил к кровати, тем отчетливее понимал, что в ней никого не было.

– Макар? – прошептал он и опустил руки на мягкую и ровную поверхность. – И где же ты?

Он снова подошел к двери и включил свет. В комнате младшего брата не было, а на его подушке лежал листок, выданный из тетради.

«Не переживайте. Я на работе. У Оливи Линдберг вечеринка и она очень просила меня прийти».

Сжав в руке записку, Макс вышел из комнаты младшего брата и сказав матери, что скоро вернется, поспешил вниз к виноградникам. Так добраться до дома чертовых Линдбергов было куда быстрее.

5

Местные подружки Оливии мечтали о жизни в большом городе. Особенно после её собственных рассказов. Они смотрели на нее с обожанием, восхищались ею, копировали и всегда соглашались с её точкой зрения. Каждую она считала идиоткой, но продолжала улыбаться, ведь с кем-то ей здесь нужно было дружить. Благо, она поступила не куда-то, как эти нищенки, а в МГУ. Им таких высот точно никогда не достичь.

– Оливия, всё просто супер!

– Иначе и быть не могло!

– Те ребята обалдели от масштабов!

Оливия бросила взгляд в сторону трех парней, которые приехали сюда из какого-то города к родственникам. Алиса с ними дружила и заверила, что они адекватные и интересные.

– Что ж, настало время знакомиться, – проворковала она, допив свой коктейль. Глянув на мальчишку, который тут же забрал пустой бокал из её рук, она испытала приятное чувство победы. – А ты отличный слуга, клоп. Будешь стараться в том же духе и я выдам тебе вольную грамоту!

Все засмеялись, в очередной раз потешив самолюбие хозяйки этого дома.

Оливия взглянула на золотые часы. Скоро ли этот Макс обнаружит исчезновение любимого младшего братика, которому готов вытирать сопли собственным рукавом? Раздражало, что он был слишком симпатичным для человека, которого Оливия возненавидела и желала проучить. А ведь они могли бы долго целоваться, заперевшись в её комнате. Она бы разогнала всех этих нищенских отбросов, разделась бы догола и прыгнула в бассейн. Ни один парень не устоял бы перед её роскошным телом.

– А что ты так загадочно улыбаешься? – поддела её плечом Алиса. – Уже планируешь встречаться с одним из них?

– Лучше трахнуть, – смело заявила она, забрав у нее коктейль. – Забудьте вы уже о галимой романтике, девочки! Получайте реальное удовольствие, а не разжеванные сопли на ромашках.

– Оливия, ты совершенно бесстрашная, – озвучила мысли всех Рита Юрская. – Такая раскованная, что аж завидно.

– Девочки, вы можете заполучить любого парня по щелчку пальцев. Главное, – с демонстративной медлительностью закинула она ногу за ногу, – любить себя и чувствовать богиней.

– Я принес тебе коктейль! – воскликнул мальчишка с довольной улыбкой. – Сделал его так, как ты меня научила.

Оливия вернула жалкие остатки Алисе и взяла новый бокал. Сделав глоток, она нарочно посмаковала сладкую жидкость и погладила мальчонку по голове:

– Умница, мой слуга. Быстро учишься.

Её телефон издал громкий и короткий звук, оповещающий о запоздавшем госте. Оливия открыла приложение в телефоне и увидела в камере домофона, как перед высокими воротами стоял тот, кого она так долго ждала.

– Что ж, девочки, идите к бассейну. Потанцуйте, покрутите бедрами и трахнитесь уже, чтобы паутинкой не покрыться! А мне нужно подняться к себе. Надо бы заплатить слуге и дать ему ещё одну работенку. Советую вам поторопиться, иначе я соблазну всех парней сразу. Опыт у меня уже имеется.

Все вокруг округлили глаза, покраснели, засмутились. Оливия поднялась на ноги и опустила ладонь на плечо мальчишки:

– А ты, слуга мой, пойдешь со мной.

– Что будем делать? Новый коктейль?

– О, нет, – подталкивала его к дому Оливия. – Тебе вообще ничего не придется делать. Я хочу, чтобы ты отдохнул. Ты сегодня сделал очень много работы. Причем на ура.

– Я рад, что ты мной довольна, Оливия.

– Очень довольна, клоп. Очень!

Они поднялись на второй этаж и зашли в спальню Оливии. Мальчишка с интересом разглядывал роскошную девичью комнату, пока Оливия доставала из своей кожаной сумочки деньги.

– Держи, как договаривались, – протянула она банкноты. Она решила, что мальчонка ещё никогда в жизни не держал столько денег в своих руках. – Хочешь получить столько же?

– Ещё пятнадцать? – почти заикаясь, спросил он. Оливия молча кивнула. – И что сделать? Готовить тебе коктейли до самого утра?

Она засмеялась.

– Тебе вообще ничего не надо будет делать. Вообще, – повторила она медленнее. – Поиграем в прятки? Сейчас я выйду на улицу, а ты спрячешься в моем доме. Но спрячешься так, чтобы никто тебя не нашел. Если я захочу сдаться, я скажу фразу «слуга, ко мне» и ты тут же объявишься. А если высунешься раньше времени, то я и эти деньги, что ты получил, у тебя заберу. Ну, как тебе? Скажи ведь, пустяк?

– Просто спрятаться?

– Ага. В твоём возрасте я обожала эту игру. И тебе разрешено заходить куда угодно.

– А это надолго? Я не хочу, чтобы Макс волновался. И мама.

– Ты же сам сказал, что оставил для них записку. К тому же, Макс обещал мне заглянуть на вечеринку.

– Правда?

Оливия начинала терять терпение. Взяв мальчонку за плечи, она требовательно повторила:

– Так тебе нужны ещё пятнадцать тысяч? Если нужны – прячься, клоп!

– Нужны! Очень нужны!

– Отлично, – ухмыльнулась Оливия. – Я уйду. Когда вернусь, ты должен сидеть, как мышка, пока я не сдамся и не прокричу фразу...

– «Слуга, ко мне»!

– Быстро учишься. А ты мне нравишься, клоп. Всё, я пошла!

Махнув ему на прощание, Оливия закрыла за собой дверь и поспешила вниз. Возле бассейна начались танцы, гости пили, смеялись, а музыка играла слишком громко, отрезая улицу и дом невидимым барьером.

Без труда оказавшись на чужой территории, Макс поспешил на задний двор по широкой подъездной дороге из разноцветного камня. Музыка оглушала, но его злость в ушах верещала куда громче. Остановившись в тени раскидистой ивы, Макс оглядел толпу пьяных девушек и парней, среди которых было много его знакомых. Но он выискивал глазами истинную гадюку, что затеяла весь этот фарс.

– О, Макс!

– Макс!

– Привет, дружище! – встречали его знакомые лица.

Он здоровался коротким кивком, оглядывался, надеясь найти младшего брата и безмозглую идиотку, вздумавшую с ним поиграть. Внезапно его взгляд зацепился за сверкающий пла-

тиной наряд, блеснувший возле одной из колонн. Макс сощурился и, узнав в длинноногой девице сумасшедшую дочурку Линдбергов, бросился в её сторону.

Его появление стало неожиданностью для Оливии. Втянув ртом теплый воздух, она часто заморгала и окинула своих гостей спасительным взглядом.

– Чего рот открыла? – прорычал Макс, глядя на нее с высоты своего роста. – Испугалась?

– Как ты здесь оказался? – старалась она продемонстрировать свое недовольство. – Я не приглашала тебя!

– Где мой брат?

– Откуда мне знать? Наверное, приносит напитки моим гостям. Кстати, хочу тебе сказать, что он отлично справляется. Эти навыки передаются в вашей семье из поколения в поколение?

Бесчеловечно, что снаружи Оливия Линдберг была слишком красивой и обаятельной.

– Ты такая дрянь, – сказал Макс, пройдясь по ней оценивающим взглядом, – что хочется даже рот с мылом помыть, потому что язык был вынужден говорить с тобой.

– Твой язык не вынужден говорить со мной, – медленно подошла к нему Оливия, – он *хочет* это делать. Как и оказаться в моем рту, – прошептала она. – И не только в нем.

– Где Макар? – спросил Макс, испытывая подлое и мерзкое влечение.

– Он хотел посмотреть мультики, и я ему разрешила. Позволь мальчишке немного порадоваться. Он не каждый день видит домашний кинотеатр.

– Кто сделал из тебя такую жалкую и безмозглую идиотку, которая считает себя королевой?

– Очевидно, что родители, – пожала она плечами и стала медленно «выхаживать» указательным и средним пальцами по линии пуговиц на его рубашке. – Видишь ли, я никогда и никому из них не была нужна. Так, – усмехнулась она, – обязательная декорация в виде наследницы всего состояния, которое они сколотили. Они живут сами по себе, а я сама по себе, но иногда мы пересекаемся и спрашиваем друг у друга, как дела? К счастью, моя жизнь намного интереснее, чем у них. Я ведь ещё очень молода и свободна от всяких предрассудков. Я хочу наслаждаться, – шептала Оливия, подтянувшись на носочках к его шее, – а не грязнуть в проблемах, как все, кто боится быть свободным.

От нее пахло развратом. Оливия была чертовски красива, но невероятно испорчена. И эта испорченность побуждала Макса к фантазиям.

– Ты дешевка, – прорычал он, напоминая больше себе, с кем имел дело.

– Правда что ли? – её шепот обжигал его шею. Он почувствовал её ладонь на своих джинсах, и моментально напрягся, прогоняя непрощенные фантазии. – В твоих словах нет ни грамма истины. Но если тебя заводят оскорбления, тогда продолжай, а я поддержу.

Макс крепко схватил её за запястье и поднял руку к лицу. Блеск зеленых изумрудов манил, полные приоткрытые губы жаждали грубого и болезненного поцелуя. Но он пришел сюда, чтобы забрать своего брата, которого эта дешевка заманила деньгами своего папаша. Он пришел сюда только за Макаром.

– В твоём взгляде столько грубости и жесткости, – шептала она, не сводя с него глаз. – Ты далек от всех этих деревенщин, которые готовы на всё, только чтобы мы, Линдберги, были ими довольны. Они все – наши бесхребетные рабы, а вот ты – тот единственный, кто жаждет поставить нас всех на колени. Ты не подчиняешься.

– Ты ненормальная? – смотрел он на нее сквозь помутнение мерзкой похоти.

– Может да, а может нет. В любом случае, я впервые так сильно хочу стать слабой и беззащитной. Твоя злость в глазах сводит меня с ума.

– Ты похожа на шлюху.

– Но ты очень хочешь эту шлюху трахнуть. Не так ли, Макс?

Он не заметил, как ослабил хватку, а Оливия этим воспользовалась. Она снова опустила руку и расстегнула пуговицу на его джинсах, соблазняя раскованным, готовым на всё взглядом.

– Если я чего-то желаю, Макс, я всегда этого добиваюсь. И сейчас я безумно хочу, чтобы ты трахнул грязную, развратную и похотливую дочурку достойной семьи Линдберг, которая поимела здесь каждую тупорылую деревенщину и будет делать это ещё долгие и долгие годы. Я чувствую твой член, Макс. Давай же. Сделай это прямо здесь, пока шайка болванов веселится нахалюву.

Ненависть к озабоченной девице смешалась с гнетом душевной боли. Болезнь матери, психическое расстройство младшего брата, год, что ей остался, дом, который он не успеет построить, мерзкая девчонка, подмявшая под себя ровесников, которых ни во что не ставила... Сжав кулаки, Макс оглядел дешевое отродье Марка Линдберга и глухим шепотом приказал:

– На колени.

Оливия ухмыльнулась. Закусив губу, которую Макс вдруг отчаянно захотел попробовать на вкус, она с томительной грацией кошки подчинилась его приказу. Она с фальшивой преданностью смотрела в его глаза, ожидая дальнейших указаний. А секундой позже Оливия Линдберг жадно схватила ртом воздух. Цепляясь руками за свои волосы, которые с силой сжимал и тянул Макс, она громко вскрикнула. Не будь музыка у бассейна настолько громкой, ему бы пришлось закрыть ей рот.

– Отпусти меня! Мне больно, черт возьми! Ты оторвешь мне скальп, идиот!

– Слушай сюда, – прорычал Макс, склонившись над ней. – Слушай меня очень внимательно. Ты – жалкая и мерзкая потаскуха, которая в свои юные годы похожа на свою недограханную и гнилую мамашу. Запомни, Оливия Линдберг, ты – никто. Ты никогда и никем не станешь, ведь наступит момент, когда от тебя отвернутся даже твои продажные «друзья», которым осточертеет твоя циничность и ядовитость. Ты пропитана ими настолько, что это уже неизлечимо.

– Отпусти меня! Слышишь, – задыхалась она. – Немедленно! Мой отец...

– Я поставил на колени тебя, – перебил Макс, – поставлю и твоего папашу. Очень скоро вы все исчезните и единственное упоминание о вашей поганой семейке станет неприличная надпись в общественном туалете. Ещё хоть раз я увижу, что ты общаешься с моим братом, – потянул он сильнее её за волосы, – узнаю, что ты суешь ему свои жалкие деньжата, твоя жизнь, Оливия Линдберг, превратится в ад. Я слова на ветер не бросаю, поэтому держись подальше от меня и моей семьи. Поняла?

– Мне больно! – взревела она. – Отпу... Отпусти!

– Ты поняла меня, черт возьми?! – повысил он голос, впиваясь в нее взглядом, полным ненависти и огненной злобы.

– Да... Да, я... Я поняла... Пожалу... Отпу...

Макс отшвырнул её от себя и сделал это, пожалуй, слишком резко. Оливия упала на колени, наверняка содрала их, а её шелковые волосы безжизненно свисали, пряча заплаканное лицо. Его рука вздрогнула, поддавшись мимолетному желанию осторожно отбросить их за плечи...

Макс оскалился. Каким же жалким казалось ему это зрелище. Музыка ревела всё с той же громкостью, но радостные вопли опьяневших парней и девушек отчетливо пробивались сквозь оглушающие звуки. Оливия с трудом поднялась на ноги, смахивая слезы унижения. Наверное ей ещё никогда не приходилось быть в столь незавидном положении. Колени кровоточили, тушь потекла темными дорожками по покрасневшему лицу, а волнистые локоны в мгновение потеряли привычный порядок.

– Ты за это заплатишь, – прошептала она, впившись в него сверкающими глазами. – Понял? Мой отец размажет тебя по стенке. Тебя, твоего братца и всю твою жалкую семейку. И больше никогда ты не позволишь себе...

Вдруг музыка исчезла, а радостные вопли в мгновение превратились в крики о помощи.

– Пожар!

- Пожар!
- Вызывайте пожарных! Немедленно!
- Оливия? Оливия?!

Макс сбежал вниз по широким ступеням. Когда он взглянул на сверкающий софитами дом Линдбергов, во рту моментально пересохло, а кровь, казалось, перестала циркулировать в его теле. На втором этаже пылало яркое пламя. Окно было открыто и опасные языки лизали деревянную белую облицовку, пытаясь достать до красной крыши.

– Макар?! – взревел он и бросился к Оливии, которая так и застыла на месте, ужасаясь охватившей её гостей панике. – Где он?! – схватил Макс её за плечи. – Где мой брат?! Живо говори! Где он?!

– Я не знаю, – прошептала она, зажмурив глаза. – Где-то... в доме.

Громко зарывчав, Макс ворвался внутрь. Он кричал так громко, так много, что во рту появился неприятный привкус крови. Столовая, кухня, гостиная, Макс спустился в цокольный этаж, где действительно располагался домашний кинотеатр. Но комната была пустой, а экран темным.

– Макар?! – взревел он, спеша вверх по узкой лестнице. – Макар, где ты?!

Объятый огнем паники и вселенского ужаса, Макс выбежал в коридор и не сразу заметил, как посреди гостиной стояла Оливия Линдберг и кричала глухим голосом слова, которые стали различимы только, когда он подошел к ней ближе.

– Слуга, ко мне! Слуга, ко мне!

– Ты конченная тварь! – закричал он и поспешил на второй этаж. – Макар?! Макар, где ты?!

Здесь уже всё было в дыму. Он был едким и ядовитым, прожигаящим глаза и горло. Макс сорвал с себя рубашку и намочил её в одной из ванных комнат, куда огонь ещё не добрался. Прижав мокрую ткань к носу, он не переставал искать брата, который точно был здесь. Он точно был здесь, ведь чокнутая девица не побоялась зайти в горящий дом и звать его, как какую-то марионетку. И вдруг до Макса дошло: его младший брат был именно там, где этот злосчастный пожар и начался. За несколько минут он обыскал каждую комнату в этом чертовом доме и нигде его не было. И оставалось только одно место, где Макс ещё не бывал.

– ...Слуга! Ко... мне!

Макс обернулся. Оливия стояла в конце коридора, прижимая к носу собственную ладонь и без конца выкрикивая мерзость, придуманную её воспаленным мозгом.

– Уходи отсюда! – приказал Макс, махнув рукой. – Уходи отсюда!

Но Оливия продолжала кричать, заглядывая в каждую комнату. И с каждой секундой всё медленнее.

Он выбивал ногой объятую пламенем дверь, которая никак не желала подчиняться. Но, когда деревяшке всё же пришлось уступить, она с грохотом вылетела с петель. Макс закрыл лицо тканью, прячась от вспыхнувшего оранжевого языка. Жар плавил его джинсы. Волосы на груди искрились, поджаривали кожу. Картина, открывшаяся перед ним, была самой страшной из всех, что он когда-либо мог увидеть. Большую белую кровать пожирало пламя. Оно уже съело шторы, карниз, взгромоздилось на белый потолок, торопливо кусало пол и огромный пушистый ковер. Шкаф, полки, телевизор – горело абсолютно всё.

– Макар?! Макар, где ты?! Я ничего не вижу! Я ничего не вижу, Макар! – безнадежно орал Макс, не чувствуя боли. – МАКАР?! – взревел он так громко, что его крик был слышен даже на улице.

А потом он увидел.

Рука его брата едва выглядывала из-под пылающей кровати. И увидел он её только лишь потому, что края огромного покрывала стали сворачиваться и сгорать, поднимаясь вверх.

Ковер под ним пылал. Он оббежал кровать со стороны окна, где огня было меньше всего, и вытащил обмякшее тело родного брата из невыносимо болезненных объятий яркого пламени. Он уже ничего не видел перед собой, не чувствовал едких запахов, боли от жара. Макс просто бежал, держа в руках того, кто был ему слишком дорог. Он с трудом удержал себя и Макара, спускаясь по лестнице, но только ступив на первый и ещё не тронутый огнем этаж, Макс рухнул на колени, продолжая держать младшего брата.

Он больше ничего не слышал, хотя всё вокруг ревело от паники и ужаса. Люди в желтом превратились в смутные пятна.

Рукам стало легче.

В нос проник свежий и холодный воздух.

А потом всё исчезло в бесконечной темноте спокойствия и безразличия. И если изредка в этой тьме появлялся слабый свет, то отдавал он блеклым оттенком изумруда.

6

Всякий раз, когда тяжелые веки с трудом поднимались, Оливия испытывала головную боль. И чем дольше глаза были открытыми, тем сильнее та становилась. Кислородная маска больно впивалась в кожу. Тот, кто затягивал её, наверняка был не в настроении. А может ему просто не понравилась пациентка.

– Мама? – произнесла она не своим голосом, о чем секундами позже очень пожалела. Кашель разошелся с такой силой, что из глаз начали течь слезы, а в груди как будто выжигалась дыра.

– Нет, нет, девочка, – сказала незнакомая женщина в белом халате. Она поправила маску, которая и без того не сдвинулась с места. – Ничего не говори. Станет только хуже. Не волнуйся, с тобой всё в порядке. Ты надышалась дымом, и нам нужно очистить твой организм от токсичных веществ. Лежи спокойно, дыши кислородом и постарайся уснуть. Тебе нужно много отдыхать, красавица. Скоро всё восстановится.

Белые стены, потолок. Телевизор на стене, два кресла у окна для посетителей. Издающая пугающие звуки аппаратура рядом с кушеткой казалось не предвещала ничего хорошего. Оливия проваливалась в короткие сны много раз и из каждого она бежала, сломя голову. В них бушевало огромное пламя, пожирающее её комнату, а ужас, застывший в задымленном воздухе, пах горечью и смертью.

«МАКАР?!»

Оливия подняла мокрые веки. Сколько часов она провела в этих бесконечных кошмарах, блуждая по руинам собственного дома, который наверняка сгорел дотла? Пронзительный мужской крик без конца раздавался в её ушах. Переполненный истинным ужасом, он был похож на острое лезвие, которое без конца вырезало в ней нелепые кривые линии. На костях, на коже, на органах – оно кромсало и кромсало её, продлевая муки перед неизбежной смертью.

Она потеряла счет времени. Сколько ещё эти мучения будут продолжаться? И почему к ней до сих пор не приехала мама?

Когда другая медсестра сняла с нее кислородную маску, Оливия испытала мгновенный ужас от резкой нехватки кислорода. Она вцепилась в руку очередной незнакомой женщины, которая без конца что-то шептала и гладила её по голове.

– Всё хорошо, девочка. Всё хорошо, – читала она по её губам. – Дыши. Медленно. Вдох-выдох. Вдох-выдох.

Голова закружилась. Оливия закрыла глаза, стараясь поймать ритм собственного сердца и дышать так, как говорила ей медсестра.

– Когда это... закончится? – спросила она хриплым голосом. – Я устала... Где моя мама?

– Тебе обо всем расскажет твой врач, но могу сказать, что ты большая молодец. Анализы крови показали положительную динамику. Скоро мы тебя отпустим, но ты всё равно должна будешь придерживаться определенных рекомендаций.

– ...Где моя мама?

Медсестра поправила капельницу и сказала, что сейчас же позовет врача. Даже рассеянное сознание не помешало Оливии заметить намеренное игнорирование интересующего её вопроса. Бросив взгляд на белые стены, которые уже вызывали тошноту, Оливия попыталась подняться, но голова моментально закружилась. Она услышала голоса за дверью. С каждой секундой те становились всё громче и один из них точно принадлежал её отцу.

Наконец-то, они с мамой приехали за ней. Должно быть, персонал больницы не разрешал им навестить её и сейчас получал по самое первое число.

Когда дверь распахнулась, в палату вошла высокая женщина в белом халате, а секундой позже Марк Линдберг буквально оттолкнул её плечом. Он остановился в самом центре палаты, давая понять, что больше никого к своей дочери не подпустит, а сам ни за что от нее не уйдет.

– Оставьте нас! – потребовал он, глянув на врача и медсестру. – Живо!

– Марк Филиппович, вашей дочери необходим отдых, – с той же требовательностью настаивала врач. – Ей нельзя пока разговаривать. Одно слово может вызвать приступ кашля...

– Это я плачу деньги! – повысил он голос. – За каждый гребаный день её отдыха здесь!

– У вашей дочери отравление...

– Если вы сейчас же не выйдете отсюда на собственных ногах, я вышвырну вас этими руками и в одночасье сделаю так, что ни здесь, ни где-либо ещё вы работать не будете! Я ясно выразился?!

Женщины молча покинули палату. Оливия предприняла новую попытку подняться на кушетке и она, к счастью, оказалась успешной.

– Папочка, – прошептала она, испытывая горячую боль в груди. – Я так скучала...

Она всё ждала, что отец подойдет и обнимет её, но Марк Линдберг продолжал стоять на прежнем месте и задумчиво таращиться на дверь.

– Папа...

– Что я сделал не так, Оливия? – вдруг спросил он, повернув к ней голову. Затаивший злобу взгляд обеспокоил её. – Я мало радовал тебя? Мало уделял тебе внимания? Может, я просто плохой отец?

– ...О чем ты, папа?

Марк Линдберг медленно увел взгляд в сторону, будто ему было противно смотреть на нее, и попятился назад. Он опустился в одно из кресел и издал сдержанный и тихий вздох, предвещающий приближение разрушительной бури.

– Ты убила ребенка, Оливия. Ты ведь не забыла, как это вышло?

– ...Папа, я не...

– Как его звали? – перебил он, глянув на нее. – Ты знаешь, как его звали? Ничерта ты не знаешь, – оскалился отец. – Ты оказалась тупее своей гулящей матери! Тупее и циничнее, Оливия! – разразился он криком, а потом схватился за голову с такой безнадежностью, что у Оливии моментально застыла кровь в жилах. Она увидела, как вздулись вены на его шее, как они проявлялись на руках и даже его пальцах. – Что мне теперь делать, Оливия? Что я должен делать?

– Я никого не убивала, папа, – дрожащим от тихих слез голосом произнесла она.

– Ты заставила двенадцатилетнего мальчишку готовить алкогольные коктейли, пообещав ему хорошенько заплатить. Ты называла его «слугой». Ты увела его в дом, сказав, что должна заплатить ему и дать новые указания, – мрачным голосом перечислял Марк Линдберг, делая длительный паузы. – А когда ты вернулась к своим гостям, дом вспыхнул. Точнее твоя спальня, куда ты этого несчастного мальчишку привела.

– Папа, я ничего не сделала... Папа, я ничего...

– Закрой рот, Оливия, – приказал он ровным голосом. Но когда отец взглянул на нее, его ярость моментально вспыхнула в глазах, искажая лицо в пугающих гримасах. – Закрой свой чертов рот! За эти сорок восемь часов я выслушал достаточно! Сполна, чтобы понять, насколько мерзкая и бесчеловечная у меня дочь! Ты, как корова с диареей, гадишь на всех и всё! Ты думаешь, я никогда не знал о твоих идиотских выходках? Думаешь, не знал?! Но то, что ты сотворила сейчас, перешло все границы! Ты меня слышишь?! Это конец всему, над чем я работал! К чему стремился! О чем мечтал! Ты – убийца, Оливия, – прошипел он с пеной у рта. – Убийца.

– Выслушай меня, папа, – зарыдала она. Кашель уже не причинял столько физической боли, сколько та, что пульсировала где-то намного глубже. – Я никого не убивала... Я только

сказала ему спрятаться, папа... Я вышла на улицу и... Пришел его брат. Он наговорил мне столько гадостей, папа...

– Ты слышишь, что я тебе сказал, дура ты набитая?! – заорал Марк Линдберг, подлетев к кушетке. – Ты убила ребенка! Ты убила двенадцатилетнего мальчика, который сгорел заживо под твоей кроватью! Его брат нес его тело, пока сам погибал от огня! Черт, какое же ты ничтожество, Оливия! – ударил он кулаком по стене. – Ты приносишь людям одни только беды! Ты лишаешь их достоинства, лишаешь близких, лишаешь колоссальных трудов! Каких-то сорок восемь часов, как фамилия Линдберг канула в небытие, – обреченно произнес её отец, слепо таращась в одну точку. – Из успешных виноделов мы превратились в убийц, которым больше нигде не будет места. Этот парень слов на ветер не бросает. Это видно в его глазах. Жажда справедливости и безразмерной ярости – идеальный коктейль к оправданной мести. А оправдана она, потому что есть боль, Оливия. И она колоссальных размеров. И она никогда не утихнет.

Марк Линдберг медленно и бессильно попятился к креслу. Его лицо было бледным. От усталости и отсутствия сна глаза блестели и были красными. Он медленно присел, поставил руки на колени и опустил голову, едва слышно дыша ртом.

– Об этом мальчишке будут помнить всегда. Каждая семья в Луне будет скорбеть о нем и передавать из уст в уста события той кошмарной ночи, в которой главным злодеем была ты, а вместе с тобой – непутевые родители, не занимающиеся твоим воспитанием. А как иначе? – с горечью усмехнулся он. – Мать – шлюха в бриллиантах, отец – вечный волшебник, исполняющий сначала свои желания, чтобы потом исполнить ваши. Всё, о чем я мечтал, так это заниматься вином. Выращивать виноград на лучшей и плодородной земле. Стать успешным виноделом, продукт которого ценили бы лучшие знатоки вин. Так оно и было. До злосчастной ночи субботы. – Подняв на заплаканную дочь глаза, Марк Линдберг с тоном, выносящий приговор, сообщил: – Об МГУ можешь забыть. Как и обо всем, что у тебя было и о чем ты мечтала. Больше у тебя нет ничего, кроме бесполезной фамилии Линдберг. И такой её сделала ты.

– Я не хотела, чтобы... чтобы так вышло, папа. Где... где мама? Где она?

– Твоя мама спросила о твоём здоровье, пожелала скорейшего выздоровления и предпочла остаться на Кипре в компании своих подруг и молодых любовников. Иначе говоря, в ближайшее время она не желает знать тебя. Нам больше нет смысла сохранять брак, который давно распался. Нам больше нечего делить.

Оливия часто заморгала. Ледяной холод ужаса сковал её конечности.

– ...О чем ты?

– Да, мы с Аглаей не уделяли твоему воспитанию должного внимания и упустили тебя. Мы хреновые родители, что греха таить. Но это вовсе не значит, что мы позволим тебе сесть за решетку. Видимо, это последнее, что мы могли для тебя сделать, Оливия, – взглянул он на дочь. – Откупиться от обвинений, за которыми последовал бы страшный скандал, и дать тебе возможность жить, как ни в чем не бывало, дальше. Журналиги бы за такую тему собственные руки отгрызли, но, думаю, я достаточно дорого заплатил за молчание. Я заберу тебя завтра, Оливия. И мы вернемся в Москву. А ты пока подумай, как объяснишь своим столичным друзьям, что будешь получать высшее образование в метро, а не в МГУ.

– Папа? – прошептала она с хрипом, когда он направился к выходу. – Папа, почему?

Марк Линдберг обернулся и без привычной отцовской заботы в глазах просто ответил:

– Потому что твои крымские друзья с радостью поведали о тебе всю правду. Каждое твое слово, каждый твой шаг. Утром ты угрожала трем парням, что подожжешь их дома и, видимо, решила потренироваться на своем собственном. Пострадали два человека. Сгорел ребенок. И пострадавший, который является его родным братом, уничтожит тебя и всех нас по щелчку пальцев. В наше время это ничего не стоит. И он будет прав в своих методах и действиях. Я бы поступил точно так же. Теперь винодельческое хозяйство, которое приносило нам много-

миллионный доход, принадлежит ему, – развел он руки в стороны. – А всё, что я заработал, пришлось отдать твоим разговорчивым «друзьям» и правоохранительным органам, которые были очень заинтересованы в этом любопытном дельце. Ты можешь гордиться своим отцом, Оливия. Он заткнул ради тебя всех лающих собак. Приеду за тобой завтра. Вещи собирать не будем. Потому что больше ничего от нашей счастливой и достойной жизни не осталось. Уж лучше было бы тебе сдохнуть, чем остаться вести жалкое существование, не имея ни сердца ни души.

7

На высоте десять тысяч метров пассажирка эконом класса встретила свое тридцатилетие. Всё прошло очень тихо и цивилизованно. Она перекусила отвратительным бутербродом с сухой булкой, которой можно было убить соседа, и запила его не менее отвратительным чаем в пакетице. К сожалению, она была очень голодна, чтобы пренебрегать вниманием и заботой авиакомпании.

– Смотрите, какой сверкающий город!

На протяжении всего полета тучный сосед пихал её локтем, предлагая поглазеть в иллюминатор то на причудливой формы облака, то на снежинки, а теперь и на переливающийся огнями Симферополь. И нарушал он её границы комфорта с такой беззаботностью, словно они были давними друзьями.

– Здорово.

– Нет, вы только поглядите, до чего же здесь прекрасно! Как только сброшу с себя этот костюм, сразу побегу на пляж. Говорят, вода в море ещё холодная, но мне плевать. Вы тоже остановитесь в одном из отелей полуострова? Или вы едете к родственникам? Наверное у вас тут живут бабушки и дедушки?

Командир корабля вовремя напомнил о себе. Он сообщил, что самолет вот-вот приземлится, а температура за бортом составляет двадцать пять градусов.

– Мы с женой развелись. Представляете, тридцать лет в браке, а какой-то дурацкий пылесос, стал причиной нашего разрыва! Ну, сломался этот моторчик, который шнур заглатывает! Разве это проблема? Я мог бы починить! Точно вам говорю! Но Клава решила, что развод спасет ситуацию и этот чертов моторчик придет в себя! Ох, да что же это я, – хохотнул мужчина, чуть повернувшись к соседке, чье лицо не выражало ничего, кроме холодного безразличия. – Позвольте представиться, Эдуард. Разведенный, но счастливый. А вас, как зовут?

– С чего вы взяли, что я хочу с вами говорить и представляться? За весь полет я не проронила ни слова, зато вы успели рассказать мне о пяти своих собаках, неудачнике-сыне и занозе на пятке, которую пришлось выкорчевывать на хирургическом столе. Увольте меня от дальнейшей трескотни, потому что я чертовски устала и от вас, и от дороги.

Из-за сухого перекуса в животе появилась неприятная тяжесть и сохранялась до тех пор, пока Оливия Линдберг, сошедшая с борта самолета на землю, где не появлялась целых двенадцать лет, не выпила нужную таблетку перед огромным зеркалом в уборной аэропорта. Это было самовнушение, ведь капсула ещё не успела раствориться и усвоиться в её организме. Но она смотрела на свое отражение в зеркале и с облегчением замечала, как на щеках появлялся здоровый румянец. Очки в утонченной черной оправе придавали её образу и взгляду милое кокетство, идущее вразрез с внешним безразличием и молчаливой натурой.

Получив свой багаж, Оливия подошла к стойке информации и поинтересовалась, где бы она могла арендовать автомобиль. Девушка направила её к другой стойке, а оттуда к третьей, пока, наконец, молодой человек не помог разобраться с бумагами и не выдал ей ключи от небольшой Skoda Fabia ярко-малинового цвета.

– А есть что-нибудь не настолько броское? – спросила она, ослепнув от яркости цвета даже в темное время суток.

– К сожалению, из интересующего вас класса, осталось только это. Аренда других машин будет значительно дороже.

– Жаль.

– Кстати, забыл сказать! У вас отличный пакет, который включает в себя бесплатный возврат автомобиля сотрудниками нашей фирмы. Если вдруг по какой-то причине вы не сможете

вернуть машину на базу, позвоните по этому номеру и наш сотрудник сам заберет автомобиль. Вам повезло! Даже в пакете «бизнес» такой опции нет.

– Железная у вашего руководства логика, – буркнула девушка, забрав ключи.

Парень помог ей засунуть в багажник два чемодана с вещами и пожелал счастливого пути.

Чтобы выехать из незнакомого города, понадобилась помощь навигатора. В темное время суток Оливия плохо ориентировалась на дорогах, не говоря уже о том, чтобы с успехом делать это в малознакомом городе. Она проехала сто двадцать километров прежде, чем её пальцы, едва сжимающие рулевое колесо, начали выбивать беспокойный ритм. Ни в чем не повинный желудок требовал еды, напоминая о себе громким урчанием. Но вместе с голодом появлялась тошнота, рожденная затаившейся тревогой.

Сколько раз за время пути Оливия бросала настороженные и короткие взгляды на свое отражение в зеркале заднего вида, чтобы в миллионный раз убедить себя в совершенной непохожести на ту Оливию Линдберг, какой она была двенадцать лет назад? Теперь её роскошные густые волосы блестели ледяной платиной и не было даже намек на то, что когда-то они были цвета глубокого каштана. Зеленые глаза за годы трудностей и невзгод, с которыми ей пришлось столкнуться, лишились беззаботного блеска. Насыщенность изумрудного цвета зависела от настроения Оливии и сейчас они казались бледными, как выцветшая на солнце трава.

Указатель на деревню Луна стал причиной легкого головокружения. Не желая рисковать чужими и собственной жизнью, Оливия съехала на обочину и включила аварийные сигналы. Она опустила голову на руль, медленно и ровно вдыхая и выдыхая холодный от кондиционера воздух.

Она была вымотана. Физическое состояние Оливия оценивала, как удовлетворительное, но моральная составляющая балансировала между бездонной ямой с дерьмом и желанием сесть на катамаран и плыть в море, пока ноги не онемеют от изнурительной работы. А что будет дальше? Ну и черт с ним. Это никому не будет интересно.

Набрав нужный номер, Оливия откинула тяжелую голову на подголовник и взглянула через дорогу на новую заправочную станцию, которой раньше здесь не было.

– Да, Оливия? – раздался сонный женский голос. – Ты уже прилетела? Который час?

– Да, я приземлилась часа полтора-два назад. Извини, что поздно звоню, просто... – Она издала нервный смешок. Проведя кончиком языка по верхним зубам, Оливия засмотрелась на автомобили, заезжающие на территорию заправочной станции. – Как прошли твои лекции? Публика была в восторге?

– Ты позвонила мне в половину второго ночи, чтобы узнать о моих лекциях? – усмехнулась подруга. – Где ты сейчас, Оливия?

– Я вижу в зеркале заднего вида дорожный указатель на... Луну.

– Отлично. Ты молодец, – плавным голосом похвалила её Полина. – А что ты видишь впереди?

– Очертания холма. За которым расстилается деревня. – Прочистив горло, Оливия постаралась улыбнуться. – Заканчивай разговаривать со мной, как с одним из своих пациентов. Ты просила меня сообщить тебе, когда я приеду, и вот я позвонила, чтобы сказать.

– Я очень этому рада. И я не разговариваю с тобой, как со своим пациентом. Ты им давно перестала быть. Я всего лишь твоя подруга, которая готова выслушать тебя в любое время дня и ночи и дать совет, если ты в нем будешь нуждаться.

– Мне страшно, Полин, – призналась Оливия, мгновенно наполнив легкие облегчением.

– Я знаю. Это решение далось тебе нелегко. И чувство, которое ты сейчас испытываешь, скоро рассеется. Люди, возвращающиеся в места, где давно не были, вздрагивают от волнения, от восхищения...

– Полина, – перебила Оливия, откинув назад голову.

– Наглядные перемены могут внушить страх, – продолжала подруга, – но это всего лишь маленькая неизвестность, с которой ты ещё не знакома. Настоящий страх, которому ты столько лет боялась взглянуть в глаза, достигнет тебя чуть позже. Ты поймешь это, когда встретишься с ним лицом к лицу.

Оливия снова взглянула на заправочную станцию. Действительно, восхищает: парковка для отдыха, кафе. Через дорогу вполне себе симпатичное здание гостиницы. Район развивался и это было... хорошо.

– Зря ты меня отговорила не ехать с тобой.

– У тебя лекции, выступления и интервью по телеку. Ты уже готова?

– У меня их было столько, что никакая подготовка не нужна. К тому же, я уже достигла того уровня, когда могу самостоятельно отменить любое мероприятие и ничего мне за это не будет. Послушай, Оливия, всё будет хорошо. У тебя всё получится. Ты намного смелее и сильнее, чем тебе кажется. И вспомни, что ты самостоятельно пришла к этой идее. Ни я тебя подтолкнула, ни твои многолетние кошмары, а ты сама почувствовала, что нужно сделать так и никак иначе. Будь дерзкой, боевой и смелой девчонкой, какой и являешься на самом деле. Страх чужд каждому человеку, но не всякий готов честно признать их и вызвать на ринг.

Оливия наполнила легкие прохладным воздухом и медленно выдохнула, чувствуя, что возвращает себя. Разминая пальцами уставшую шею, она поблагодарила Полину за поддержку и извинилась за полуночное беспокойство. Подруга права, она сильнее и смелее, чем может показаться. И она давно готова ко встрече с тем, у кого двенадцать лет назад забрала маленькую жизнь.

Полина советовала остановиться в гостинице, но Оливия решила иначе. Она знала, что обрекала себя на мучения, причем нешуточные. Находиться в доме, где погиб человек, да ещё и спать в нем в полном одиночестве – не лучший способ начать борьбу со своими страхами. Те могли лишь приумножиться.

Оказалось, что у деятельного Марка Линдберга даже после тех ужасных событий осталась жалкая щепотка юмора. Отдав многое за молчание целой деревни и тишину со стороны самых пострадавших, он пожелал оставить в своем распоряжении единственное, от чего должен был избавиться в первую очередь.

Дом семьи Линдберг в средиземноморском стиле и добротный кусок земли, на котором он по-прежнему стоял, должен был уйти за копейки. Чья-то смерть всегда превращалась в большую скидку для покупателя, а уж в сочетании с пожаром, съевшим большую часть стильной постройки, и того бы превратила его стоимость в гроши. Но вместо этого отец Оливии втайне от бывшей супруги и непутевой дочери занялся реставрацией дома, наняв человека, который умело изображал вид, будто купил этот дом с целью дальнейшей перепродажи. Начав новый бизнес, Марк Линдберг отдал некоторую сумму бывшей жене, сказав, что тот дом в Луне он продал, дабы избавить себя от её вечных вопросов и ожиданий, а сам включил его в свое наследство, которое должна была получить его единственная дочь. Вскоре Оливия вступила в наследство и с ужасом узнала, что дом, который являлся ей в самых страшных ночных кошмарах, теперь по праву был её собственностью. Но Марк Линдберг позаботился не только о том, чтобы обеспечить родную дочь достойной жилплощадью. Он ещё и хохотнул напоследок, буквально связав её с этим проклятым домом на ближайшие пятьдесят лет, указав в завещании особым документом, что продаже этот дом не подлежал. По крайней мере, в ближайшие пять десятилетий.

Над восстановлением работали лучшие руки и умы мира интерьера и ремонта. Был отработан каждый уголок, каждая деталь не только снаружи, но и внутри. Об этом Марк Линдберг несколько раз упомянул в своем прощальном письме, будто нарочно давая понять Оливии, если вдруг она когда-нибудь решит вернуться туда, где начался конец всему, что у нее было, то вернется она именно в тот трагический день, ставший роковым не только для нее. И видеть она будет всё те же молочные стены в собственной спальне, всё ту же белую кровать с резным изголовьем, под которой плавилось тело двенадцатилетнего мальчика. И отправляясь сюда, Оливия уже была к этому готова. Вот только в летней тишине и беспроглядной ночи, знакомые решетчатые ворота, на которые упрямо светили желтые фары автомобиля, казались грозными стражниками мира хаоса и запредельного ужаса.

Оливия смахнула капельку пота со лба и достала из сумки одну из двух связок ключей, на которой висел и серебристый пульт от ворот. Она тут же вспомнила, как потеряла сознание в кабинете адвоката отца, который выдал ей белый конверт с до боли знакомым содержанием.

Не лучшее время дня она выбрала для приезда. Ночью всё казалось в сотни раз страшнее, чем при свете дня. Но Оливия не хотела напрашиваться на ненужное внимание местных жителей, которые отличались дотошным любопытством, таращась на всякое новое лицо или машину в деревне.

Судорожно выдохнув последние остатки воздуха из своих легких, Оливия нажала на кнопку. Ворота издали пугающий скрип и стали медленно и послушно отъезжать в сторону. Всё та же широкая подъездная дорожка, навес для автомобилей, одна из множества белых колонн...

– Ты думал меня напугать, папочка, – прошептала она, глядя на прячущийся за высокими деревьями белый дом, – но черта с два у тебя это получится.

Нажав на педаль газа, Оливия заехала во двор и нажала на кнопку, чтобы ворота позади закрылись. Фонари на улице, вмонтированные в землю, зажглись от движения. Теплым светом осветились все тропинки, ведущие к бассейну на другой стороне двора, сарайчику, лужайке и качелям. От зеленого густого газона не осталось и следа, чему Оливия внутренне даже обрадовалась. Хоть какие-то перемены. Всё вокруг заросло высокой травой и даже кусты с цветущими розами почти утопали в её густоте.

Решив пока не глушить двигатель, Оливия вышла из машины и оставила дверцу открытой. Она обнимала себя руками, бросая на жуткие тени вокруг боязливые взгляды. Ноги передвигались очень осторожно и медленно. Прежде, чем перейти на задний двор, Оливия несколько раз оглянулась, чтобы удостовериться, что машина по-прежнему стояла на своем месте. Потому что та часть двора таила в себе слишком много её личных кошмаров.

Бассейн был пуст. Кроме, пожалуй, всякого мусора, травы и желтой листвы. Ею было припорошено крыльцо, ступени и даже облеплена массивная дверь с огромной золотой ручкой.

«Макар?»

Оливия тряхнула головой. Она взглянула на звезды, задыхаясь от шума в ушах, от крика хрипящего мужского голоса. Он ревел раненым зверем, пробирал ужасом своей боли до самых костей.

«Я не вижу тебя! МАКАР?!»

Таращась на дверь в немом ужасе, Оливия медленно попятилась назад. Её тело билась дрожь, пальцы будто окоченели, отказываясь сжиматься в кулаки. Но, стоило только подуть легкому ветерку, что разбрасывал шуршащие в ночи листья, как она сорвалась с места и побежала обратно к машине. Оливия без конца бормотала под нос «О, боже! О, боже!» и чудом не забыла открыть ворота. Выехав на дорогу, она нажала на кнопку закрытия, и умчалась прочь, так и не убедившись, что те вернулись в должно положение. Она ехала на слишком высокой для деревни скорости и сама не заметила, как оказалась у поворота на сельское кладбище.

– Но я же не знаю, где ты, – бормотала она, вглядываясь в очертания надгробных памятников.

Их здесь было несколько сотен. Самые старые, сделанные из железа и выкрашенные голубой краской находились в самом низу «Мертвой долины». Так называли это место дети. Вниз мало, кто решался спускаться. Там росли колючки, высота и ширина которых достигала нескольких метров, и густые деревья, в которых путались привидения и змеи.

Оливия закрыла глаза, вспомнив себя в шестнадцать лет. Деревенские байки она находила смешными и нелепыми. Не веря ни единому слову подруг, она взяла фонарик и отправилась посреди ночи вниз к старым могилам. Подруги стояли за забором и шепотом кричали ей немедленно вернуться, но Оливия, уставшая от их глупых рассказов, добралась до могилы какого-то мужчины и с одного удара ноги выбила железную табличку с его именем. Она бросила её к ногам местных трусих и громко прокричала, что если ещё раз услышит чепуху о привидениях на кладбище и блуждающих мертвецах, то выбьет ещё двадцать таких и будет подбрасывать их им во дворы.

– Я найду тебя... Ма... кар, – с трудом произнесла она имя, – и... обязательно всё объясню. Для этого я и здесь.

Развернув автомобиль в обратную сторону, Оливия направилась в ближайшую гостиницу, надеясь, что администратор позволит ей заселиться без паспорта, купившись на приличную взятку.

8

Ему совсем не спалось. И причина тому была вполне объяснима, хоть он и не хотел этого признавать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.